

Когда у Геры Крошечкина появился фотоаппарат, он сразу стал в центре внимания. Ходит в центре, а мы по бокам. Каждый просит, чтобы его сняли, а Гера возмущается — мол, всех людей снять

невозможно. А сам снял петуха. И где он его нашёл, подумать только! Во всём городе ни одного петуха не видно. Оказывается, он его на базаре сфотографировал. На базар за петухом ходит, а своих товарищей снимать не хочет! Куда это годится?

Окружили ребята Геру Крошечкина, галдят, умоляют сфотографировать, а он важничает. Круглый отличник Миша махнул рукой и говорит:

— Да ну его! Будет петухов снимать да куриц, кому это надо!

Миша круглый троечник (это чтоб их не путать), на Мишу-отличника полез. Заискивает перед Герой, чтобы тот его снимал почаще. Но Миша-отличник отскочил в сторону — да прямо на ногу старосте Камилле Николаевой.

А Гера эту сцену сфотографировал.

Миша круглый троечник заорал:

— Смотрите-ка, смотрите! Успел заснять, когда Миша-отличник на Камиллиной ноге стоял, вот молодец!

Камилла заплакала, а Гера её тут же сфотографировал всю в слезах.

Камилла говорит сквозь слезы:

— Вы же видите, какие ужасные сцены он снимает! Мне на ноге чуть пальцы все не отдавили, а для него сенсация. Вот до чего он дошёл со своим аппаратом!

Круглый троечник Миша говорит Гере:

— Я готов, пусть кто угодно стоит на моей ноге, только бы меня засняли!

Круглый отличник Миша говорит ему:

— Мы знаем, ты на всё готов, только бы не учиться. Ни одной четвёрки за всю жизнь не получил.

— И с тройками всю жизнь переводят, — ответил Миша-троечник.

— Зато тебе будет в жизни трудно, — сказал Миша-отличник.

— А тебе легко?

— Мне легче.

— А мне сейчас легче, — сказал Миша-троечник.

А Гера сейчас же эту сцену снял.

Мише-троечнику очень не понравилось, что его зафиксировали в такой момент, и он стал возмущаться, а Гера — улыбаться.

— Ты ведь сам просил, — говорит ему Гера.

— Я не так просил.

— А как?

— По-другому.

Стоит расстроенный и зевает.

И опять Гера его снял.

— Да ты что, нарочно? — разозлился Миша-троечник. — Не смей меня снимать с раскрытым ртом!

— А ты закрой рот, — говорит Гера.

Миша-троечник так стиснул рот, что даже зубы скрипнули, тут Гера его сейчас же и сфотографировал.

Миша испугался, что у него на фотографии теперь получится свирепое лицо, но Гера объяснил, что на фотографии не будет слышно скрипа зубов, и Миша-троечник успокоился.

Камилла вытерла слезы и говорит:

— Гера Крошечкин действительно способный человек. Он ловко успевает подмечать. Но это не всё. Что он снял? Меня плачущую, Мишу-троечника с раскрытым ртом, Мишу свирепого, Мишу расстроенного и Мишу-отличника, стоящего на моей ноге. Кому нужны такие фотографии? Разве мне, старосте, и Мише-отличнику нужны такие фотографии? Они никому не нужны, даже самому фотографу.

Но Гера сказал:

— А зато мне смешно. Я буду смотреть на ваши фотографии и показывать другим, и мы все вместе будем хохотать.

— Я тебе покажу, как надо мной хохотать! — заорал круглый троечник Миша, но Камилла его остановила.

Круглый отличник Миша сказал:

— Как же он будет надо мной смеяться, если я круглый отличник? А у него две двойки. Это я над ним должен смеяться вместе с его фотоаппаратом, если на то пошло!

— А что, нельзя зевать? — раскричался троечник Миша, — Что, нельзя зевать?!

От его крика Гера Крошечкин стал вовсе зевать, и Миша сказал:

— Сам зевает, а другим не даёт.

Но тут, глядя на Геру, все стали отчаянно зевать и долго не могли остановиться.

После этого Камилла сказала:

— Наш Крошечкин со своим аппаратом вполне мог бы классу пользу принести. Если бы он имел поручение от пионерского отряда, представляете? Давайте-ка, ребята, его корреспондентом стенной газеты выдвинем. Согласен быть корреспондентом?

— Ох, наверное, это трудно, — испугался Гера.

— Легко, легко! — закричали ребята. — Мы будем только сниматься, а ты нас снимать.

— Только вас одних снимать? — опять испугался Гера. Ира-санитарка говорит:

— Заснял бы ты, Гера Крошечкин, как от нас некоторые ускользают, когда мы у них уши и руки проверяем, — и посмотрела на круглого троечника Мишу, — получилась бы у тебя отличная картинка.

Гера Крошечкин подумал и сказал:

— Это можно.

— Сфотографировал бы пушкинские места, родную нашу природу, которую воспел поэт, — сказала Камилла.

— Это верно, — сказал Гера.

И Гера Крошечкин согласился стать корреспондентом.

А для начала сфотографировал весь довольный, улыбающийся класс на фоне карты мира для праздничного номера стенной газеты.

К концу учебного года я просил отца купить мне двухколёсный велосипед, пистолет-пулемёт на батарейках, самолёт на батарейках, летающий вертолёт и настольный хоккей.

— Мне так хочется иметь эти вещи! — сказал я отцу. — Они постоянно вертятся у меня в голове наподобие карусели, и от этого голова так кружится, что трудно удержаться на ногах.

— Держись, — сказал отец, — не упади и напиши мне на листке все эти вещи, чтоб мне не забыть.

— Да зачем же писать, они и так у меня крепко в голове сидят.

— Пиши, — сказал отец, — тебе ведь это ничего не стоит.

— В общем-то ничего не стоит, — сказал я, — только лишняя морока. — И я написал большими буквами на весь лист:

ВИЛИСАПЕТ

ПИСТАЛЕТ-ПУЛИМЁТ

САМАЛЁТ

ВИРТАЛЁТ

ХАКЕЙ

Потом подумал и ещё решил написать мороженое, подошёл к окну, поглядел на вывеску напротив и дописал:

МОРОЖЕНОЕ

Отец прочёл и говорит:

— Куплю я тебе пока мороженое, а остальное подождём.

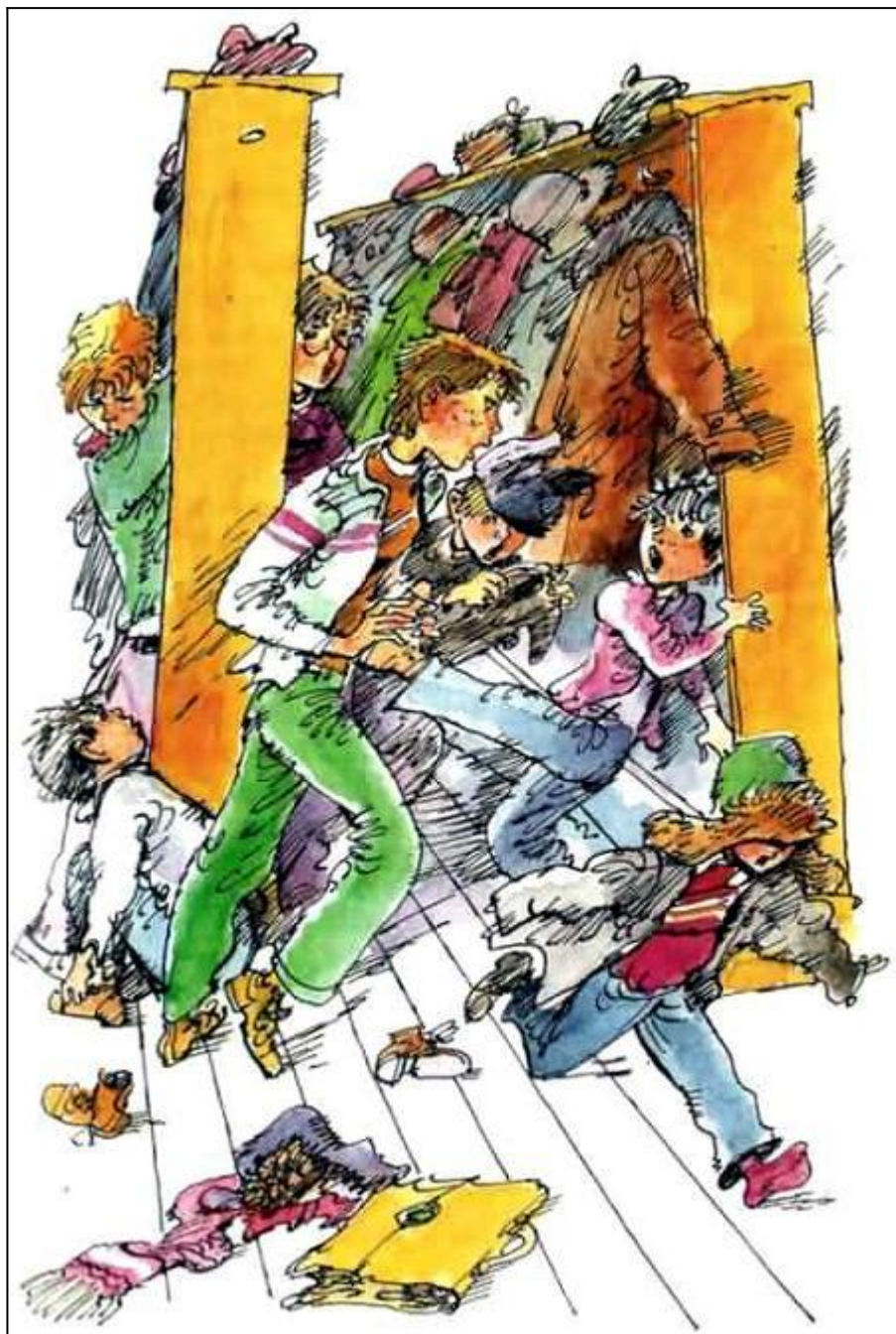
Я думал, ему сейчас некогда, и спрашиваю:

— До которого часу?

— До лучших времён.

— До каких?
 — До следующего окончания учебного года.
 — Почему?
 — Да потому, что буквы в твоей голове вертятся, как карусель, от этого у тебя кружится голова, и слова оказываются не на своих ногах.
 Как будто у слов есть ноги!

А мороженое мне уже сто раз покупали... Наши шефы, шестой «а», соревновались с шестым «б» —

кто лучше и быстрее поможет одеться в раздевалке своим подшефным. И вот после звонка мы помчались в раздевалку, и тут началось это одевалочное соревнование. Два шестых уже ждали своих первоклассников. Очень строгое жюри устроилось на подоконнике, чтобы лучше видеть. Пятьсотсвечовые лампочки вкрутили дополнительно к дневному свету. Самодеятельный школьный струнный оркестр расположился невдалеке. Оркестр грянул — и пошло! Ох, что тут было!

Моим шефом был Светик Костров. Он очень волновался. Как только я подбежал к нему, он заорал:

— Давай ногу! Ну! Ногу давай! Суй в ботинок ногу и не рассуждай, малыш! Нужно быстрее! Ты быстрее можешь? Ну!

С трудом он запихивал мою левую ногу в правый ботинок, и я не рассуждал.

— Не везёт, вот напасть! — ворчал он и тряс меня за ногу изо всех сил. Но я держался за вешалку и не падал. Вешалка качалась, и сверху падали

шапки. — Давай другую ногу! Побейстрее! Ну! И не рассуждать!

— Как же я тебе другую ногу дам? — сказал я. — На чём же я тогда стоять буду?

— Не рассуждай, малыш, много ты понимаешь!

— Отпусти мою ту ногу, — сказал я, — тогда я тебе дам эту.

— Ну, быстрее давай, не рассуждай!

Теперь он стал напяливать левый ботинок на мою правую ногу. И я ему сказал об этом.

— Не заметят, — отвечал он, — раньше нужно было говорить, малыш! Не время рассуждать, пойми. Где шапка? Шапка где твоя?

— Да вон Васька её нацепил.

— Чего это он? Ну, даёт! Ладно. Некогда тут рассуждать. Бери Васькину! И побыстрей!

— А Васькину вон только что сейчас Пчёлкин надел...

— Хватай тогда Пчёлкина шапку. Быстрей! Где она? Какая? Покажи мне. Вот не ожидал... никак не ожидал, что может так с шапками получиться!

— И Пчёлкиной уже нет, — говорю, — ни одной шапки нет, все расхватили...

— Без шапки иди! На авось! Выручай своего шефа! Что творится! Мы пропали! Проиграли! Вот досада... Э-э-э-эх! — Он очень суетился и вспотел.

Светик ловко надел на меня пальто, и пальто было тоже чужое. И я сказал ему об этом.

— Не снимать же его, малыш! Где мы тут сейчас найдём другое? Бодрей держись! Не дрейфь! Улыбайся жюри! Как будто ты в своём пальто! Давай!

И я побежал. На авось.

Пальто толстяка Вовки Ивина висело на мне мешком. Нестерпимо жали мои собственные ботинки.

— Здравствуйте, — сказал я жюри.

— У тебя с одеждой всё в порядке? — спросил член жюри.

— Так точно, всё в порядке, — сказал я по-военному.

Он смотрел на моё пальто, а я ему улыбался.

— А где шапка? — спросил он.

— А я закалённый, — сказал я, улыбаясь.

— Как это понять?

— Я в школу без шапки пришёл, — сказал я, улыбаясь.

— Ишь ты, предусмотрительный, — сказал член жюри.

— Так точно, предусмотрительный, — сказал я по-военному.

— И всегда ходишь в школу без шапки? — спросил член жюри.

— Всегда, — сказал я, улыбаясь.

— Ишь ты, — повторил член жюри. Он не знал, как со мной поступить: засчитывать или не засчитывать, и внимательно посмотрел на мои ботинки, — зашнурованы неплохо, ишь ты!

— Неплохо, — сказал я.

— Так все без шапок придут, — сказал он.

— Придут, — сказал я.

Тогда он сказал (в какой раз!):

— Ишь ты!.. — И добавил: — Иди.

Но другой член жюри спросил:

— Ты своё пальто надел?

В это время подскочил Вовка Ивин в моём пальто. И все члены жюри зароптали на своего придирчивого товарища, чтобы он не задерживал молодцов, которые чуть ли не самыми первыми оказались одетыми. И тогда придирчивый член жюри тоже мне улыбнулся понимающе.

Я нашёл Ваську и сказал ему:

— Побольше бы таких соревнований — тогда бы все мы научились надевать свои собственные вещи быстро, как военные по тревоге.

И Васька согласился.

— Быстрые, Костров, у вас ребята! — сказал придирчивый член жюри моему шефу.

Светик застеснялся, надо же! Слезу даже смахнул. Подбежал ко мне, руку пожал. И то же самое сказал: побольше бы таких соревнований, в другой раз не подкачаем.

— Ни за что не подкачаем в другой раз, — сказал я.

Вдруг объявили:

«Представителям шестого «а» вместе с подшефными выйти на середину круга, и пусть ваши ловкие и быстрые ребята пройдут под гром оркестра, чтобы мы все могли на них полюбоваться».

Самодельный струнный оркестр из всех своих балалаек грянул марш, а мы зашагали по кругу. Жали мои ботинки ужасно, а Вовкино пальто болталось на мне и крутилось. С Вовки валилась

шапка, и он поминутно её поправлял. И с другими нашими ребятами тоже творилось невообразимое. Ведь я был не один в жалком виде.

— Шагай, не рассуждай, малыш, — сказал мне Свет Костров.

Кругом все хохотали.

И тогда мы с Вовкой засмеялись со всеми вместе.

1 Как она сидела на камушке

Совсем маленькие дети плескались в волнах, а Катя сидела на камушке и не купалась.

Один мальчишка хотел потащить её в воду, но она так закричала, что он испугался и стал собираться уходить.

— Почему ты отказываешься купаться? — поинтересовался он.

— Я боюсь волн, — отвечала она с таким видом, как будто говорила: «Я ничего на свете не боюсь».

— Но там ведь очень мелко, — уверял мальчишка.

— Но зато ты заметил, как я непохожа на других?

Удивлённый мальчишка говорит:

— Но ведь это очень плохо, если ты боишься.

— А зато все купаются, а я сижу.

— А зато ты сидишь, а все купаются, — засмеялся мальчишка.

— А зато ты заметил, какой у меня твёрдый характер? — И она так скрипнула зубами и вытаращила глаза, что мальчишка отбежал от неё довольно далеко и оттуда закричал:

— Сама боится, а сама пугает, чучело! Часами тренировалась перед зеркалом!

Одна женщина выходит из воды и говорит:

— А я чуть в обморок не упала от твоей гримасы. Могла бы утонуть.

— Да, я много тренируюсь перед зеркалом, — отвечает Катя, — чтобы всех пугать.

— Зачем?!

— Чтобы все меня боялись и разбегались в разные стороны.

Другая женщина входит в воду и говорит:

— Только ты меня, пожалуйста, не пугай, а то я не умею плавать.

Один загорающий мужчина говорит:

— А может, из неё вышла бы актриса на трагические роли?

— Нет, нет, — сказала женщина, вышедшая из воды, — все зрители скорей всего убежали бы из зрительного зала.

— А я бы их догнала и назад вернула, — говорит Катя.

— Ишь ты, какая шустрая, интересно, как бы тебе это удалось?

— А я как скрипну зубами — и они обратно побегут.

— Пошла бы ты в воду, — говорит женщина, вылезшая из воды, — да поучилась бы плавать.

— А мне так интересней, — отвечает Катя.

Тут многие включились в разговор:

— Я думаю, когда эта девчонка вырастет, она доставит всем хлопот! С ней очень трудно будет разговаривать, а ещё труднее — работать.

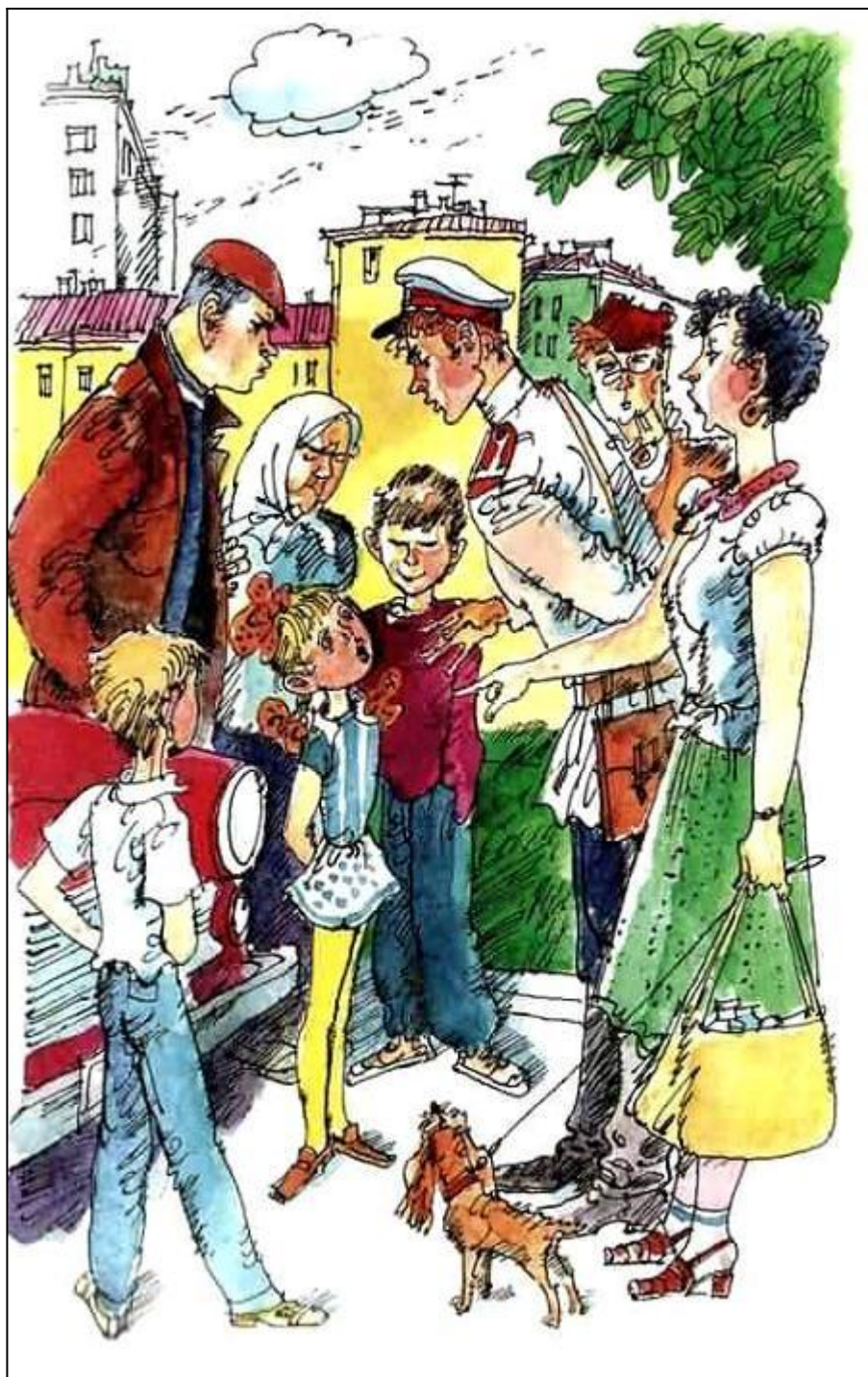
— А сейчас с ней легко? Сейчас уже с ней просто невозможно разговаривать!

— И самой ей потом будет нелегко в сплочённом коллективе.

— А как она напугала этого мальчишку! Он теперь долго не появится на пляже.

А Катя сидит на камушке и потихонечку улыбается:

«Вот как я заставила всех о себе заговорить! Конечно, я очень даже не похожа на других!» 2 Как

она шла домой Как всегда, переходила улицу в неподобающем месте и чуть не попала под машину.

Скрип тормозов. Толпа.

Милиционер её спрашивает:

— Ты, наверно, пионерка?

Она смотрит на милиционера вытаращенными глазами и говорит:

— Недавно...

— Куда же ты идёшь?! — возмущается шофёр.

— Домой...

— Не домой, а под машину!

— Она, видите ли, шла домой!!! — возмущается народ.

— А ещё ведь пионерка!

— Пионерка-то она недавно...

— Октябрёнком-то она была! Мой внук-октябрёнок при переходе улицы ведёт меня за руку, а не я его, — похвалился старик с палкой, — и мы ни разу не попали под машину.

Милиционер говорит:

— А ведь эта девочка очень просто могла до дому не дойти.

— А я могла бы до работы не дойти, — говорит перепуганная женщина, — из-за этой девчонки машина въехала на тротуар.

— А я могла бы не дойти до магазина, — сказал кто-то.

— Неужели ты всего этого не понимаешь? — говорит милиционер.

— Я всё понимаю, — говорит Катя и продолжает вытаращенными глазами смотреть на милиционера.

Из толпы говорят:

— Может, этот ребёнок не совсем здоров, тогда другое дело.

— Как это могут родители выпускать больного ребёнка на улицу!

— Ты, наверное, нездорова, девочка? — спрашивает милиционер.

Катя сразу смекнула:

— Да, да, мне придавили голову.

— Чем?!

— Дверью.

— Кто?!

— Сосед.

Из толпы вопрос:

— Когда?

И Катя говорит:

— Вчера.

— Ребёнку нужно лежать, раз только вчера ей придавили дверью голову.

— Да, эти подвыпившие соседи совершенно не могут пользоваться дверьми!

— Да таких соседей...

Какая-то старушка говорит:

— Я знаю одного соседа, товарищ милиционер, который беспрерывно хлопает дверьми.

Другая старушка говорит:

— А я знаю соседку, которая всё время хлопает дверьми — трах! бах! — как пушка в Петропавловской крепости, и я думаю, уже двенадцать, а ещё утро.

И ещё некоторые старушки заговорили о своих соседях, которые хлопают дверьми.

Милиционер засмеялся:

— Этак выходит, каждый день вам всем прищемляют головы?

Две первые старушки радостно закивали головами в знак согласия, не сообразили сразу, потом одумались и замотали головами в разные стороны: нет, мол, наши головы в порядке, и никто их никогда не прищемлял...

Шофёр уехал по своим делам, а милиционер погрозил Кате пальцем на прощанье.

Только старушки ещё долго обсуждали поведение соседей.

А Катя рада. Сосед виноват. Не она.

3 Как она пришла домой

Туфли — р-раз! — на шкаф! Панамку на кровать! Мама уберёт.

Кривляется у зеркала. Поёт. Ведь ей актрисой быть.

— Ах, доченька пришла! Где ты?

— Я здесь! Обедать мне пора!

Мама обнимает дочку и весело ей в ушко напевает в какой раз:

— Все здоровы, я, мы, ты,

Если руки вымыты!

Эти строчки с плаката. Плакат на стене. Но он совершенно не действует на Катю.

— А я в море купалась, — отвечает Катя.

Ну, в море так в море. Хотя она врёт. Да и море при чём? Но мама ей не стала противоречить. Вы ведь уже знаете Катин характер.

Нет, ещё не знаете!

Узнаете.

4 Как она обедала

Мать ставит ей обед на стол. И никак не может на свою дочку налюбоваться.

Пришёл отец с работы и тоже не может на свою дочку налюбоваться.

А Катя морщится.

Мать говорит:

— Я сегодня на работе задержалась и наспех приготовила обед.

— А почему бы нашей дочке, — говорит отец, — хотя бы изредка, самой не приготовить?

Катя смотрит на родителей вытаращенными глазами и сразу перестаёт есть.

А мама смотрит на отца умоляющими глазами, чтобы он молча ел.

Но отец тоже перестаёт есть и говорит:

— Между прочим, многие дочери моих сослуживцев постоянно готовят обеды для своих семей.

— А я вот не умею, — говорит Катя.

— Но можно научиться, — говорит отец, — раз дочери моих сослуживцев...

— А между прочим, дочери твоих сослуживцев, — говорит Катя, — не умеют скакать на лошадях.

— Я этого не знаю, — говорит отец.

— И между прочим, мои родители тоже не умеют скакать на лошадях.

— При чём тут лошади?

— Скакать на лошади и быть вагоновожатым...

— При чём тут вагоновожатый?!

— И пионервожатым.

Теперь уже с удивлением родители смотрят на свою дочку.

— И быть чемпионом олимпийских игр и водить реактивные самолёты...

— При чём?! — вдруг закричал отец. — При чём всё это? Реактивный самолёт! О!!!

— А при том, — говорит Катя, — что не может один человек одновременно скакать на лошади, летать на самолёте, быть пионервожатым, вагоновожатым и чемпионом олимпийских игр...

— Но ты-то тут при чём?

— Я? Фу... Фи... Фу...

— Она у нас прекрасно плавает, — вступилась мать.

— Пока она болтает у нас прекрасно, — сказал отец, — с ней просто страшно разговаривать: пионервожатые, вагоновожатые...

Суп в тарелке остыл.

А этого и добивалась Катя, чтобы с ней невозможно было разговаривать.

Фантазии у неё хватает только на то, чтобы мама приготавливала обеды, а она их ела.

5 Как она вела себя дальше

Подружка ей с улицы кричит:

— Ка-атя-а-а!!!

Катя ей с дивана отвечает:

— Че-его-о-о?!!

— Иди-и-и-и сюда-а-а-а!!!

— Заче-е-ем?

— Пойдём куда-а-а-а-нибу-у-удь!!!

— Куда-а-а-а?

— Не знаю-у-у-у!!!

— Слуша-а-ай!!!

— Слушаю-у-у-у!!!

— Не могу я вас больше слушать, — говорит отец, — я не могу заснуть! Пошла бы ты спросила, что у неё там такое произошло?

— А я босиком, — говорит Катя.

— На балкон хоть сходи.

— А я без платья.

— Так надень.

— А мне лень. Неохота вставать.

— А у меня голова разрывается на части, — говорит отец. — Что же, она так и будет кричать до утра?

— Покричит и перестанет, — говорит Катя. — Да она уже ушла.

Но вдруг снова:

— Ка-атя-а-а-а!!!

Эх, Катя, Катя...

6 Как она решала задачу

Кате нужно решать задачу, а она болтает по телефону.

— Алло, Маша?

— А я тебе сейчас звонить хотела, — говорит Маша.

— А я тебе сейчас решила позвонить, — говорит Катя.

— А ты мне раньше не звонила?

— А раньше меня дома не было.

- Вот это интересно. И меня тоже дома не было.
- Вот здорово-то получается.
- Потрясающе получается. А у меня всегда потрясающе получается. Поэтому всех вокруг я потрясаю. А вчера я иду, а навстречу мне Петька идёт. И на меня не смотрит. А я делаю вид, что на него тоже не смотрю.
- Вот потеха!
- А он взял и за угол завернул, представляешь, потеха!
- А потом?
- Я иду, а он навстречу мне из-за угла выходит.
- Действительно, умора! Ой, ты меня совсем уморила! А он куда шёл?
- Первый раз или второй?
- Ну, первый.
- За угол.
- А второй?
- Из-за угла.
- И всё?
- А чего же ещё?
- Куда же это он всё время ходит, то сюда, то туда, вот интересно.
- Теперь мне всё ясно. Наверное, он куда-нибудь ходит и там курит. Нам надо выяснить и учительнице сказать. Мы его поймаем, учительнице скажем, и он курить перестанет.
- Ой, Катя, завтра же начнём за ним ходить. Ой, здорово ты сообразила! А кстати, какой у тебя ответ в задаче получился?
- Катя только и ждала этого вопроса. А самой спрашивать ей не хотелось: пусть Маша думает, что задача у нее решена и этот вопрос Катю не интересует. И она с удовольствием называет Маше первое попавшееся число, которое ей приходит в голову. Она ведь не решала.
- А у меня другой ответ, — удивляется Маша.
- Какой?
- И Маша называет ей правильный ответ, а Кате только остаётся теперь подогнать под ответ задачу.⁷ Как она отвечала урок учительнице
- Учительница спрашивает у неё урок, а она его не знает. И вот она заявляет своей учительнице:
- Я знаю, но не хочу говорить.
- Как же так? — удивляется учительница,
- Не имею права, — отвечает Катя, — я дала себе слово сегодня не отвечать.
- Как это понимать? — удивляется учительница.
- А чтобы себя проверить, смогу я выдержать или нет.
- Что выдержать?!
- Слово.
- Да какое ещё слово?!
- Своё.
- Учительница в полном недоумении. И весь класс тоже.
- Скажи уж сразу, что ты урока не знаешь! — говорит учительница.
- Знаю, — говорит Катя.
- Ну, отвечай тогда, — возмущается учительница, — что это ещё за новости?!
- А Катя отвечает;
- Человек, который дал себе слово, должен твёрдо и непоколебимо его выполнять, вы нам сами говорили.
- О чём ты? Что за чушь?
- Что Кате отвечать? Молчит.
- Тогда я тебе ставлю двойку, — говорит учительница.
- И она ставит двойку. Твёрдую и непоколебимую.

8 Как она рассказывала про двойку родителям

— Я сегодня здорово выдержала свой характер, — сказала она родителям.

— Молодчина, — сказали родители и погладили её по голове.

— Я сегодня сдержала своё слово, — похвастала Катя.

— Молодчина, — сказали родители и опять погладили её по голове. И даже обещали ей купить подарок, если она всегда будет сдерживать своё слово.

— Учительница у меня урок спросила, — похвастала Катя, — а я ей отвечать не стала.

Родители насторожились. —

Наверно, ты урока не знала? —

спросил отец.

— Наверно, ты урок забыла? —

спросила мама.

— Вы знаете, какой у меня характер? — предупредила Катя.

Они знали. Давно.

— Устрою вам сейчас истерику, будете знать!

Родители замахали руками, больше всего они боялись этой истерики.

— Так вот, значит, поставили мне двойку ни за что, — сказала Катя. — Как ни за что?!

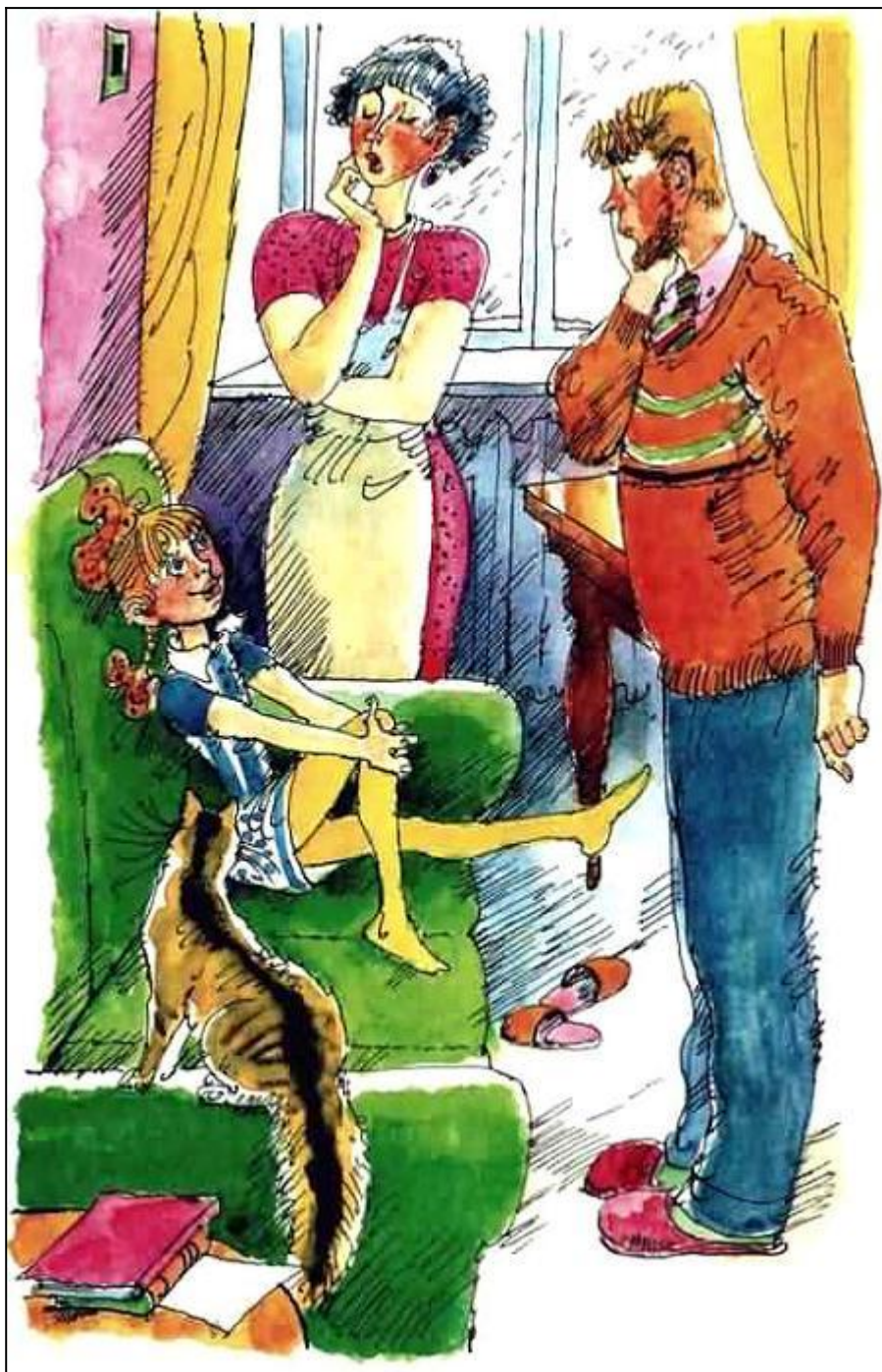
— Я дала себе слово молчать, и выполнила его с честью!

— Для чего ты это слово давала, можешь объяснить?

— Чтобы выполнить его, — сказала Катя, ещё больше запутывая своих родителей.

— М-да... — сказал отец. Он

был бухгалтер крупного учреждения и всю жизнь боялся запутаться в очень крупных цифрах. Но там были большие суммы и счета. И сослуживцы, с которыми он вёл всю жизнь дела, были взрослые люди. А здесь дочь. Третьеклассница. И такое наворачивает, что не разберёшь.

Мать почему-то в третий раз погладила свою единственную дочку по голове. Она совершенно запуталась во всей этой истории.

Тогда Катя улыбнулась и сказала:

— Между прочим, вас завтра в школу вызывают.

— Зачем?

— За то, что у меня твёрдый и непоколебимый характер, неужели вы этого не понимаете?

— И нам придётся за него отвечать? — догадался отец.

— Чему тут удивляться, — сказала мать, — если у дочки твой характер.
 — Но я никогда никого не запутал на своей работе, и никто меня не запутал, — сказал отец, — и когда учился в школе, не запутывал своих учителей.
 — Оставь ребёнка в покое, — сказала мать.
 — М-да... — повторил отец.
 Катя молча сидела на диване и болтала ногами.
 И они оставили её в покое.

9 Как она запутала саму себя

Ребята сидели на лавочке во дворе, и один мальчишка спрашивает Катю:

— Будет сегодня дождь или не будет?

Ну, а Катя видит — небо чистое, засмеялась от такого вопроса и говорит:

— Не будет, всем видно.

А этот мальчишка прогноз погоды слышал по радио и друзьям моргает видимо, они договорились. Решили Катю проучить: ребятам она тоже досаждала своими выкрутасами.

И вот этот мальчишка нарочно спрашивает Катю:

— Где видно, что дождя не будет? Катя ухмыляется:

— На небе.

Мальчишка говорит:

— А я ничего такого на небе не заметил. Если дождь будет, мы уйдём, а ты здесь оставайся.

Катя ухмыляется:

— Пожалуйста, я буду здесь сидеть, а вы сейчас же отсюда уходите, дураки.

Ребята говорят:

— Хорошо, мы, дураки, уйдём, а ты у нас умная, сиди, если дождь пойдёт.

— Да он никогда и не пойдёт!

— А если через час он не пойдёт, мы здесь целый день будем сидеть и целую ночь.

— А я буду на вас из окна смотреть и водой вас из ведра поливать!

Катя ухмыляется, ребята смеются, спор, в общем, затянулся. Но договорились: в течение часа ждать дождя на скамейке, никому не уходить. Конечно, риск у ребят был: вдруг дождь стороной пройдёт? И в редком случае, но прогноз погоды может подвести. Бывает. Мало ли.

Но вот вдруг подул ветер. Налетела туча. И дождь как пошёл хлестать!

Ребята — по домам!

А Кате надо оставаться.

И вот тогда она со своим твёрдым и непоколебимым характером припустила за ребятами во весь дух!

Весь её твёрдый характер моментально в дожде растворился...

— А где же твоё слово? — кричат ей ребята.

— А я грома боюсь, — заявляет Катя таким тоном, как будто она ничего на свете не боится...

Эх, Катя, Катя...

Эх, ты!

В день рождения папа подарил Алёше ручку с золотым пером. На ручке были выгравированы золотые слова:

«Алёше в день рождения от папы».

На другой день Алёша со своей новой ручкой пошёл в школу. Он был очень горд: ведь не у каждого в классе ручка с золотым пером и золотыми буквами! А тут учительница забыла дома свою ручку и попросила на время у ребят. И Алёша первый протянул ей своё сокровище. И при этом подумал: «Мария Николаевна обязательно заметит, какая замечательная у него ручка, прочтёт надпись и скажет что-нибудь вроде: «Ах, каким красивым почерком написано!» или: «Какая прелесть!»» Тогда Алёша скажет: «А вы взгляните на золотое перо, Мария Николаевна, самое настоящее

золотое!» Но учительница не стала разглядывать ручку и ничего такого не сказала. Она спросила урок у Алёши, но он его не выучил. И тогда Мария Николаевна поставила в журнал двойку золотым пером и вернула ручку.

Алёша, растерянно глядя на своё золотое перо, сказал:

— Как же так получается?.. Вот так получается!..

— Ты о чём, Алёша? — не поняла учительница.

— О золотом пере... — сказал Алёша. — Разве можно ставить двойки золотым пером?

— Значит, сегодня у тебя не золотые знания, — сказала учительница.

— Выходит, папа подарил мне ручку, чтобы мне ею двойки ставили? — сказал Алёша. — Вот так номер! Какой же это подарок?!

Учительница улыбнулась и сказала:

— Ручку тебе папа подарил, а сегодняшний подарок ты себе сам сделал.

Второклассник стоял в дверях дома и ждал приятеля. Шёл домой пятиклассник, схватил за шиворот второклассника и закричал:

— Чего под ногами болтаешься!

Шёл домой семиклассник, схватил за шиворот второклассника с пятиклассником, чтобы они не болтались под ногами.

Шёл домой девятиклассник, схватил за шиворот в дверях второклассника, пятиклассника и семиклассника, раз они болтаются под ногами.

Затем, разумеется, семиклассник вцепился в десятиклассника, пятиклассник в семиклассника, а второклассник — в пятиклассника. Никто не считал, что он болтается у кого-то под ногами. Не может же такого быть, чтобы люди друг у друга болтались под ногами!

Шёл домой старик.

Но разве он мог пройти?

Он сказал:

— Разрешите.

И все отпустили друг друга и пошли домой, кроме второклассника. Он опять встал в дверях.

Ведь он ждал своего приятеля. Зачем же хватать его за шиворот?

Хотя...

Можно встать ВОЗЛЕ дверей! Дело было так. Сначала я начал разгибать гвоздь в кухне на кафельном полу. А он не разгибался. Я хлопнул по нему молотком со всей силы, и три кафельных плитки разлетелись вдребезги. Целый час я возился с гвоздём. Мне захотелось есть. Я поставил на плиту варить картошку и обнаружил пропажу гвоздя. Я сбегал на стройку и притащил пять плиток и цемент. Я взялся за работу, но, как ни старался, мои плитки никак не укладывались вровень с другими. Две проваливались очень глубоко, а одна возвышалась над всеми. Я хлопнул по двум плиткам молотком, и они разлетелись вдребезги. Я вставил на их место запасные, но они возвышались над другими, и я не решался хлопнуть по ним молотком. Стал подчищать ножичком пол, после чего обнаружил, что и теперь они проваливаются. Я густо намазал их цементом, но теперь они опять возвышались, как я ни нажимал на них. Я хлопнул по ним молотком, и они разлетелись вдребезги.

Оставалось идти за новыми. Я выпросил десять плиток, но мне не удалось их уложить с другими вровень. Я хлопал по ним молотком, и они разлетались вдребезги.

Цемент носился по воздуху. Я кашлял и чихал. Я подмёл пол и обнаружил, что в полу теперь не хватает шести плиток, а не трёх, как раньше. Я вспомнил о картошке, но она превратилась в угли. Ни плиток, ни картошки, ни гвоздя...

Я заглянул в кастрюлю и обнаружил там гвоздь. Сплошные чудеса! Я принялся снова разгибать его на плитках и раскрошил ещё две плитки. Но гвоздь разогнул.

Я вбил его в стену и наконец-то повесил картину Шишкина «Утро в сосновом лесу».

Я слез со стула и отошёл подальше, чтобы посмотреть издали, не криво ли она висит. И в этот момент картина грохнулась на пол и стекло разлетелось вдребезги.

Проклятый гвоздь!

Сплошные чудеса!

Я вскочил на стул и стал со злости вколачивать его в стену, чтобы духу его больше не было,

никогда его не видеть! Но он всячески изворачивался и подгибался, и мне никак не удавалось его как следует вколотить. Я подправлял его клещами и вбивал. Вбивал и подправлял. Я воевал с гвоздём.

В дверь постучали. Я открыл.

— Прекратите бить в стену, — возмущённо сказала соседка, — что вы там делаете?

— Ничего... — сказал я, тяжело дыша.

— Перестаньте немедленно.

— Нет, я ему покажу!

— Кому?

— Гвоздю.

— А что с ним?

— Гнётся. Он всё время гнётся. Я его забью!

— Бессовестный мальчишка, — возмутилась соседка, переходя на ты, — если тебе нужен гвоздь, то скажи.

Она тут же притащила горсть гвоздей. Совсем новых. Как я сразу не догадался у неё попросить!

— Вот, возьми любой гвоздь. А тот оставь в покое.

— На этот гвоздь мне нечего злиться, а с тем гвоздём я рассчитаюсь.

— Где это видано, чтобы с гвоздями рассчитывались! — сказала соседка.

— Всё равно мне теперь нечего вешать на ваш гвоздь...

— Ну, смотри мне! — Она ушла.

А я лёг на кровать и укрылся одеялом с головой.

Мне жалко было плитки. Я ненавидел гвоздь. Мне не хотелось есть. Ведь виноват был я.

И я уснул.

Во сне мне снились гвозди, которые сами вбиваются в стену, картошка, которая никогда не сгорает, и плитки, которые ничем не разобьёшь.

Сплошные чудеса!

Во сне всё было хорошо, но на самом-то деле всё было плохо...

Да, многого я делать не умею...

Сам не знал...

Мальчик Саня приехал с мамой на дачу, и у него начались новые дни.

Он непрерывно носился с ребятами по пляжу, купался, играл, а к вечеру спрашивал маму:

— Что мне теперь делать?

Это был неутомимый мальчишка, он нисколько не уставал.

Мама ему отвечала в таких случаях:

— А теперь ты отдохни.

От маминых слов он сейчас же убегал к ребятам, но ребята все разбрелись по домам, и он продолжал играть сам с собой. С самим собой ему играть быстро надоедало, и он кричал маме в окно:

— А что мне теперь делать?!

Мама брала его за руку, приводила домой и укладывала в постель, но он сейчас же вскакивал и спрашивал со слезами:

— А теперь что мне делать?!

Он долго не мог уснуть, вспоминая прошедший день: замечательный тёплый песок, зелёно-синее море; как он залезал в лодки и катера, представлял, что плывёт в дальние страны, хотя лодки и катера покачивались на привязи и никуда не плыли. Как он катался на велосипеде по тропинкам леса и даже налетел на дерево, но всё благополучно обошлось. Как он быстро и ловко промчался через рыболовецкий совхоз, куда вход категорически воспрещён. И многое, многое другое.

А утром начиналось всё сначала, и опять к вечеру он спрашивал маму:

— А что мне теперь делать?

И мама ему снова отвечала:

— Отдохни.

Но он не хотел отдыхать. Он сказал:

— Как жаль, что я не могу ходить на руках! Я вымыл бы в заливе ноги и пришёл на руках домой. И мне не пришлось бы дома мыть ноги.

— Тогда пришлось бы мыть руки, — сказала мама.

— Я мог бы вымыть руки, раз мне нечего делать.

После лета он приехал с мамой домой и сейчас же спросил:

— Что мне делать?

— Завтра тебе в первый класс, — сказала мама, — ведь ты хорошо отдохнул.

— Разве я отдыхал? — удивился Саня.

— Сейчас хоть отдохни, — сказала мама.

— Скорей бы в школу! — вздохнул он. — Тогда бы я знал, что мне делать! — И он побежал во двор к ребятам рассказывать, как он отдыхал летом.

Да отдохни ты, Саня!

Как только учебный год кончился, весь класс во дворе собрался. Обсуждали, что будут летом делать. Все разное говорили. А Володя сказал:

— Давайте Анне Петровне письма напишем. Где кто будет, оттуда напишет. О том, что увидел летом. Как провёл время.

Все закричали:

— Правильно! Правильно!

На том и порешили.

Разъехались все кто куда. Клим в деревню поехал. Он там сразу письмо написал — пять страниц.

Он написал:

«Я в деревне спасал тонущих. Они все остались довольны. Один спасённый мне сказал: «Если б не ты, я бы утонул». А я ему сказал: «Для меня это пара пустяков». А он сказал: «А для меня не пара пустяков». Я сказал: «Конечно, для тебя не пара пустяков, а для меня пара пустяков». Он сказал: «Спасибо тебе большое». Я сказал: «Совсем не за что, потому что для меня это пара пустяков».

Я спас человек пятьдесят или сто. Даже, может быть, больше. А после они перестали тонуть, и спасать стало некого.

Тогда я увидел лопнувший рельс. И остановил целый поезд. Люди выбежали из вагонов. Они обнимали меня и хвалили. А многие целовали. Многие просили мой адрес, и я им давал свой адрес. Многие дали свои адреса, и я брал с удовольствием их адреса. Многие мне предлагали подарки, но я сказал: «Только, прошу вас, без этого». Многие меня фотографировали, со многими я фотографировался, многие мне предлагали ехать сейчас же с ними, но бабушку я не мог оставить. Я ведь не предупредил её!

Потом я увидел горящий дом. Он горел вовсю. А дыму было сколько угодно. «Вперёд! — сказал я сам себе. — Непременно там кто-нибудь есть!»

Вокруг меня падали балки. Несколько балок упало сзади меня, а несколько — впереди. Несколько балок упало сбоку. Одна балка упала мне на плечо. Две или три балки упали с другого бока. Пять балок упало мне прямо на голову. Несколько балок ещё где-то упало. Но я не обращал внимания. Я рыскал по всему дому. Но никого, кроме кошки, там не было. Я выбежал с кошкой на улицу. Хозяева дома были тут. В руках они держали арбузы.

«Спасибо за Мурку, — сказали они. — Мы только что из продмага».

Они дали мне один арбуз. Потом все тушили дом...

Потом я увидел старушку. Она переходила улицу. Я сейчас же пошёл ей навстречу.

«Разрешите, пожалуйста, — сказал я, — перевести вас на другую сторону».

Я перевёл её на ту сторону и вернулся обратно. Подошли ещё старушки. Их тоже я перевёл на ту сторону. Некоторым старушкам не нужно было на ту сторону. Но я говорил: «Пожалуйста, я

переведу вас туда и обратно. И вы снова будете на этой стороне».

Они все говорили мне: «Если бы не ты, мы не перешли бы». А я говорил: «Для меня это пара пустяков».

Две или три старушки не хотели переходить. Они просто сидели на лавочке. И смотрели на ту сторону. Когда я спросил, не нужно ли им на ту сторону, они сказали: «Нам туда не нужно». А когда я сказал, почему бы им не прогуляться, они сказали: «Действительно, почему бы нам не прогуляться?» Я их всех перевёл на ту сторону. Они там сели на лавочку. Обратно они не хотели идти. Как я их ни упрашивал».

Клим много всего написал. Он был очень доволен своим письмом. И отправил письмо по почте.

Потом лето кончилось. Начались занятия. На уроке Анна Петровна сказала:

— Очень многие прислали мне письма. Хорошие, интересные письма. Некоторые я вам прочту.

«Сейчас начнётся, — думал Клим. — В моём письме много геройских поступков. Все будут хвалить меня и восхищаться».

Анна Петровна прочла много писем.

А его письма не прочла.

«Ну, тут всё ясно, — подумал Клим. — Письмо в газету отправили. Там его напечатают. Может быть, будет мой портрет. Все скажут: «Ой, это он! Смотрите!» А я скажу: «Ну и что же? Для меня это пара

пустяков»». У нас от девчонок секреты. Мы ни за что на свете не доверяем им свои секреты. Они по всему свету могут разболтать любую тайну. Даже самую важную государственную тайну они могут разболтать. Хорошо, что им этого не доверяют!

У нас, правда, нет таких важных секретов, откуда нам взять их! Так мы их сами придумали. У нас был такой секрет: мы зарыли в песок пару пулек и никому не сказали об этом. Был ещё секрет: мы собирали гвозди. Например, я собрал двадцать пять самых разных гвоздей, но кто знал об этом? Никто! Я никому не проболтался. Сами понимаете, как нам трудно приходилось! Через наши руки прошло столько секретов, что я даже не помню, сколько их было. И ни одна девчонка не узнала ничего. Они ходили и косились на нас, разные кривляки, и только о том и думали, чтобы выудить у нас наши тайны. Хотя они у нас ни разу ни о чём не спрашивали, но ведь это ничего не значит! До чего хитрые всё-таки!

А вчера я хожу по двору с нашей тайной, с нашим новым

замечательным секретом и вдруг вижу Ирку. Я прошёл мимо несколько раз, и она на меня покосилась.

Я ещё походил по двору, а потом подошёл к ней и тихо вздохнул. Я нарочно несильно вздохнул, чтобы она не подумала, что я специально вздохнул.

Я ещё раза два вздохнул, она опять только покосилась, и всё. Тогда я перестал вздыхать, раз никакого от этого толку нету, и говорю:

— Если бы ты знала, что я знаю, ты бы прямо здесь, на месте, провалилась.

Она опять покосилась на меня и говорит:

— Не беспокойся, — отвечает, — не провалюсь, как бы ты сам не провалился.

— А мне-то чего, — говорю, — проваливаться, мне-то нечего проваливаться, раз я тайну знаю.

— Тайну? — говорит. — Какую тайну?

Смотрит на меня и ждёт, когда я ей начну рассказывать про тайну.

А я говорю:

— Тайна есть тайна, и не для того она существует, чтобы каждому эту тайну разбалтывать.

Она почему-то разозлилась и говорит:

— Тогда уходи отсюда со своими тайнами!

— Ха, — говорю, — вот ещё не хватало! Твой двор это, что ли?

Мне прямо смешно даже стало. Вот ведь до чего докатились!

Мы постояли, постояли, потом вижу — она снова косится.

Я сделал вид, что уйти собрался. И говорю:

— Ладно. Тайна при мне останется. — И усмехнулся так, чтобы она поняла, что это значит.

Она голову даже ко мне не повернула и говорит:

— Нету у тебя никакой тайны. Если у тебя какая-нибудь тайна была бы, ты бы давно уже рассказал, а раз ты не рассказываешь, значит, ничего такого нету.

Что, думаю, она такое говорит? Ерунду какую-то! Но, честно говоря, я немножко растерялся. И правда, ведь могут мне не поверить, что у меня есть какая-то тайна, раз, кроме меня, никто не знает о ней. У меня в голове здорово всё перемешалось. Но я сделал вид, что у меня там ничего не перемешалось, и говорю:

— Очень жалко, что тебе доверять нельзя. А то бы я тебе всё рассказал. Но ты можешь оказаться предательницей...

И тут я вижу, она опять на меня одним глазом косится.

Я говорю:

— Дело тут непростое, ты это, надеюсь, прекрасно понимаешь, и обижаться по всякому поводу, я думаю, не стоит, тем более если бы это был не секрет, а какой-нибудь пустяк, и если бы я тебя знал получше...

Говорил я долго и много. Почему-то у меня такое желание появилось — долго и много говорить. Когда я кончил, её рядом не было.

Она плакала, прислонившись к стене. Её плечи дрожали. Я слышал всхлипывания.

Я сразу понял, что она ни за что на свете не может оказаться предательницей. Она как раз тот человек, которому спокойно можно всё доверить. Я это сразу понял.

— Видишь ли... — сказал я, — если ты... дашь слово... и поклянёшься...

И я ей рассказал весь секрет.

На другой день меня били.

Она разболтала всем...

Но самое главное было не то, что Ирка оказалась предательницей, не то, что секрет был раскрыт, а то, что потом мы не могли придумать ни одного нового секрета, сколько мы ни старались.

Перед уроком я в шкаф залез. Я хотел мякнуть из шкафа. Подумают, кошка, а это я. Сидел в шкафу, ждал начала урока и не заметил сам, как уснул.

Просыпаюсь — в классе тихо. Смотрю в щёлочку — никого нет. Толкнул дверь, а она закрыта. Значит, я весь урок проспал. Все домой ушли, и меня в шкафу заперли.

Душно в шкафу и темно, как ночью. Мне стало страшно, я стал кричать:

— Э-э-э! Я в шкафу! Помогите! Прислушался — тишина кругом.

Я опять:

— О! Товарищи! Я в шкафу сижу!

Слышу чьи-то шаги. Идёт кто-то.

— Кто здесь горланит?

Я сразу узнал тётю Нюшу, уборщицу.

Я обрадовался, кричу:

— Тётя Нюша, я здесь!

— Где ты, родименький?

— В шкафу я! В шкафу!

— Как же ты, милый, туда забрался?

— Я в шкафу, бабуся!

— Так уж слышу, что ты в шкафу. Так чего ты хочешь?

— Меня заперли в шкаф. Ой, бабуся!

Ушла тётя Нюша. Опять тишина. Наверное, за ключом ушла.

Опять шаги. Слышу голос Пал Палыча. Пал Палыч — наш завуч...

Пал Палыч постучал в шкаф пальцем.

— Там нет никого, — сказал Пал Палыч.

— Как же нет. Есть, — сказала тётя Нюша.

— Ну где же он? — сказал Пал Палыч и постучал ещё раз по шкафу.

Я испугался, что все уйдут, я останусь в шкафу, и изо всех сил крикнул:

— Я здесь!

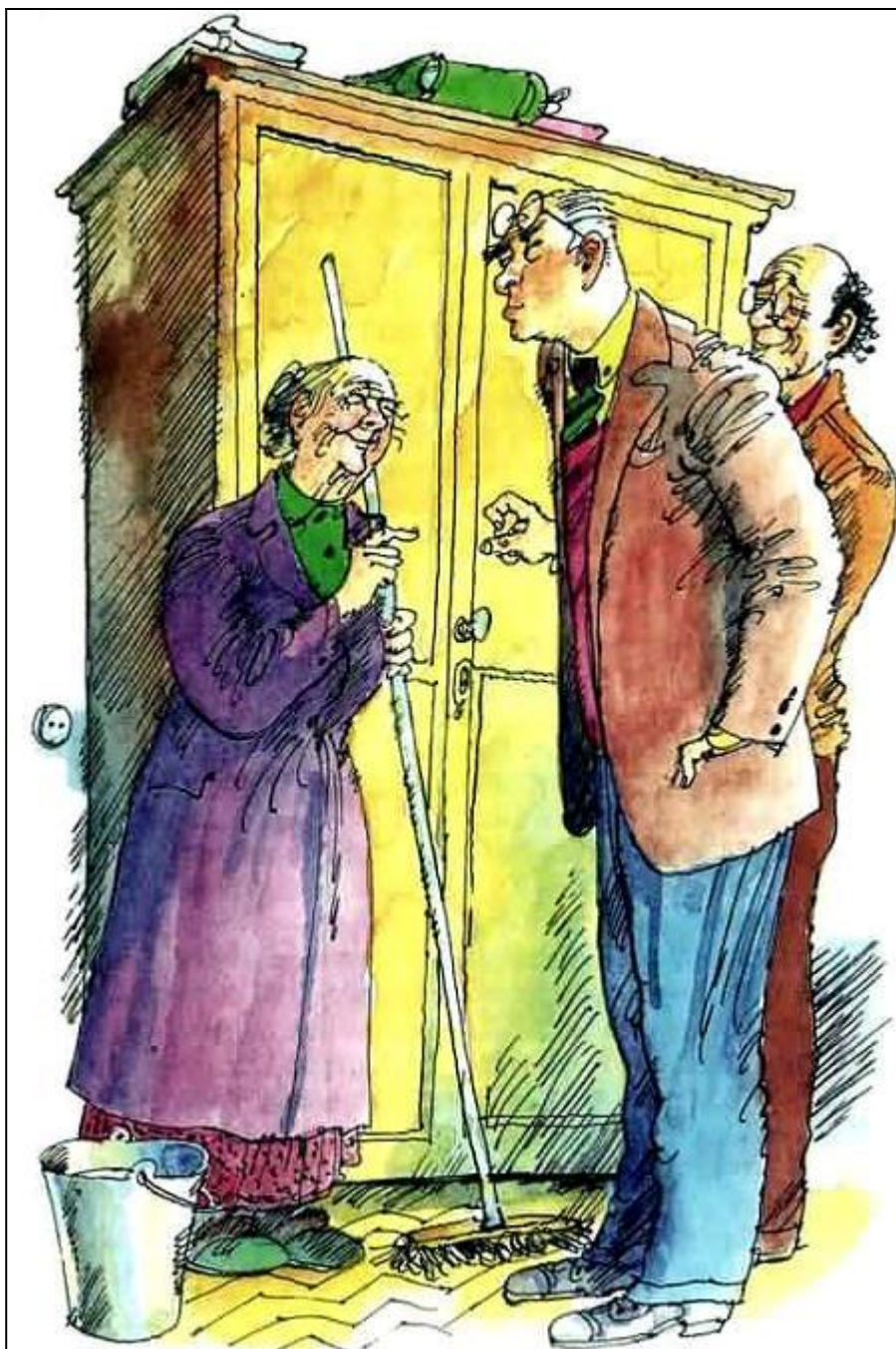
— Кто ты? — спросил Пал Палыч.

— Я... Цыпкин...

— Зачем ты туда забрался, Цыпкин?

— Меня заперли... Я не забрался...

— Гм... Его заперли! А он не забрался! Видали? Какие волшебники в нашей школе! Они не забираются в шкаф, в то время как их запирают в шкафу. Чудес не бывает, слышишь, Цыпкин?

— Слышу...

— Ты давно там сидишь? — спросил Пал Палыч.

— Не знаю...

— Найдите ключ, — сказал Пал Палыч. — Быстро.

Тётя Нюша пошла за ключом, а Пал Палыч остался. Он сел рядом на стул и стал ждать. Я видел сквозь щёлку его лицо. Он был очень сердитый. Он закурил и сказал:

— Ну! Вот до чего доводит шалость! Ты мне честно скажи: почему ты в шкафу?

Мне очень хотелось исчезнуть из шкафа. Откроют шкаф, а меня там нет. Как будто бы я там и не был. Меня спросят: «Ты был в шкафу?» Я скажу: «Не был». Мне скажут: «А кто там был?» Я скажу: «Не знаю».

Но ведь так только в сказках бывает! Наверняка завтра маму вызовут... Ваш сын, скажут, в шкаф залез, все уроки там спал, и всё такое... Как будто мне тут удобно спать! Ноги ломит, спина болит. Одно мученье! Что было мне отвечать?

Я молчал.

— Ты живой там? — спросил Пал Палыч.

— Живой...

— Ну сиди, скоро откроют...

— Я сижу...

— Так... — сказал Пал Палыч. — Так ты ответишь мне, почему ты залез в этот шкаф?

Я молчал.

Вдруг я услышал голос директора. Он шёл по коридору:

— Кто? Цыпкин? В шкафу? Почему?

Мне опять захотелось исчезнуть.

Директор спросил:

— Цыпкин, ты?

Я тяжело вздохнул. Я просто уже не мог отвечать.

Тётя Нюша сказала:

— Ключ унёс староста класса.

— Взломайте дверь, — сказал директор.

Я почувствовал, как ломают дверь, — шкаф затрясся, я стукнулся больно лбом. Я боялся, что шкаф упадёт, и заплакал. Руками упёрся в стенки шкафа, и, когда дверь поддалась и открылась, я продолжал точно так же стоять.

— Ну, выходи, — сказал директор. — И объясни нам, что это значит.

Я не двинулся с места. Мне было страшно.

— Почему он стоит? — спросил директор.

Меня вытащили из шкафа.

Я всё время молчал.

Я не знал, что сказать.

Я хотел ведь только мяукнуть. Но как я сказал бы об этом... Вы видели мою тыкву? Не видели? Я её сам вырастил. И не где-нибудь, а у нас на балконе, в старом бабушкином сундуке.

Насыпал я в сундук земли. Оторвал крышку. Посадил туда семена, и у меня тыква выросла. Я всем гостям тыкву показывал. Удивляются все и руками машут. Шутка ли, в сундуке тыква?! На выставку, говорят, её надо. В Москву. Пусть видят, какие у нас растут тыквы!

Я этой тыквой очень гордился. Я глаз с неё не спускал.

— Смотри, как выросла! — кричу маме. — Вчера она меньше была, замечаешь?

Это мне казалось, как будто она за ночь выросла. Иногда мне наоборот казалось — как будто она меньше стала. Хотя этого быть никак не могло.

Я всё мечтал о выставке. Как я повезу свою тыкву не выставку. Скажу: «Вот я вырастил тыкву! В сундуке!» Мне скажут: «Какая прелесть! Неужели она в сундуке росла? Такой тыквы у нас ещё не было! Давайте сюда вашу тыкву». Положат её на полочку, прибьют рядом дощечку. А на дощечке

напишут: «Сундучная тыква», потому что она в сундуке росла. А рядом моя фамилия. Потому что я её вырастил. И может быть, дадут премию.

Я всё рассуждал о тыкве. Всё поливал её. И всё спрашивал папу и маму, правильно ли я ращу тыкву. Зато папа не мог о тыкве слышать.

— Надоела мне, — говорит, — ваша тыква. Она меня просто с ума сведёт. Всё время только о ней разговоры. Я прихожу с работы. Мне хочется отдохнуть, почитать... А ко мне лезут с этой тыквой!.. Я прошу оставить меня в покое!

Он уходил в свою комнату и запирался на ключ.

Со всеми я говорил о тыкве. Засыпал я с мыслями о тыкве. Просыпался с мыслями о тыкве. Снились мне сундуки и тыквы.

Решил всё сосед Алька.

— Что это? — спросил он. — Тыква?

— Конечно, — сказал я, — а ты что думал?

— Я думал, — сказал он, — что это орех.

— Какой орех?! — возмутился я.

— Какая же это тыква?

Он привёл меня на пришкольный участок. Вот там я увидел тыквы! Это были громадные тыквы. Десятки тыкв.

— Сами вырастили, — сказал Алька.

Стыдно мне было за свою тыкву. Но я сказал:

— Моя тыква — сундучная. Я её в сундуке растил!

Конечно, вы удивитесь. Потому что я мальчик... Но не в этом дело. Дело в том, что я вязать умею. Меня бабушка научила. Я сам себе шапочку для катка связал.

Так вот. Надо мной все смеются: «Эх ты, девчонка! Это только девчонки вяжут! А мальчишки не вяжут! Эх ты!»

Очень мне неприятно было. Кому приятно, когда тебя дразнят. Я пробовал даже отказываться. Уверял, что не умею вязать. Ну чуть не плачу! Но Шурик видел, как я вязал. Он ко мне приходил и видел. Он мне говорит:

— Не ври! Я видел!

Стали меня звать вязальщиком.

— Вон вязальщик пришёл!.. Эй, вязальщик! Вязальщик пришёл!..

Представляете, какой ужас?!

Но я вязать продолжал. Всё равно ведь дразнят! Лучше уж продолжать вязать. И бабушка говорит:

— Ты вяжи, вяжи, а то тебя зазря дразнят.

Связал я себе свитер. Такой жёлтый свитер с полосками. Полоски зелёные. Очень красиво. Правда, бабушка помогла. Но в основном я всё сам связал.

Прихожу в этом свитере в класс.

Ребята увидели свитер. И не дразнят. А только смотрят. Потом Шурик вдруг говорит:

— Вот это свитер!..

И Мишка тоже:

— Вот это свитер!..

Я не выдержал, говорю:

— Сам связал!

— Да ну? — удивились ребята.

— Уж что-что, — говорю, — а вязать я умею.

Смотрят ребята на свитер. Нравится им свитер.

Никто уж не дразнит, конечно. Чего уж тут дразнить. Вязальщиком быть совсем не плохо. Это всем стало ясно.

Когда я ходил в школу, в первый класс, я любил рисовать пароходы. Я всем хвалился: вот какие замечательные пароходы я могу рисовать!

И вот однажды я спросил одного мальчишку, может ли он нарисовать такой же замечательный пароход. Я тут же нарисовал большой пароход с трубами, всё как полагается. Потом я подрисовал море синим карандашом, а красным карандашом — флаг на мачте, и получилось совсем хорошо: плывёт по морю пароход, а на мачте у него развевается красный флаг.

Мальчишке понравился мой корабль, но он мне сказал:

— Я могу лошадь нарисовать.

И он нарисовал лошадь.

Эта лошадь была так хорошо нарисована, что я больше не хвалился своими пароходами, потому что такую лошадь я не сумел бы нарисовать никогда!

У нас в школе открылась секция бокса. Туда записывали самых смелых. Подающих надежды. Я сейчас же пошёл записаться, потому что давно подавал надежды. Так все ребята считали. После того как я хотел Мишку стукнуть и промахнулся. И кулаком попал в стенку. И кусок штукатурки отбил. Все тогда удивились. «Вот так дал! — говорят. — Вот это удар!» Я всё ходил с распухшей рукой и всем показывал:

— Видишь? Вот у меня удар какой! Не выдерживает рука. А то я, пожалуй, и стенку пробил бы!

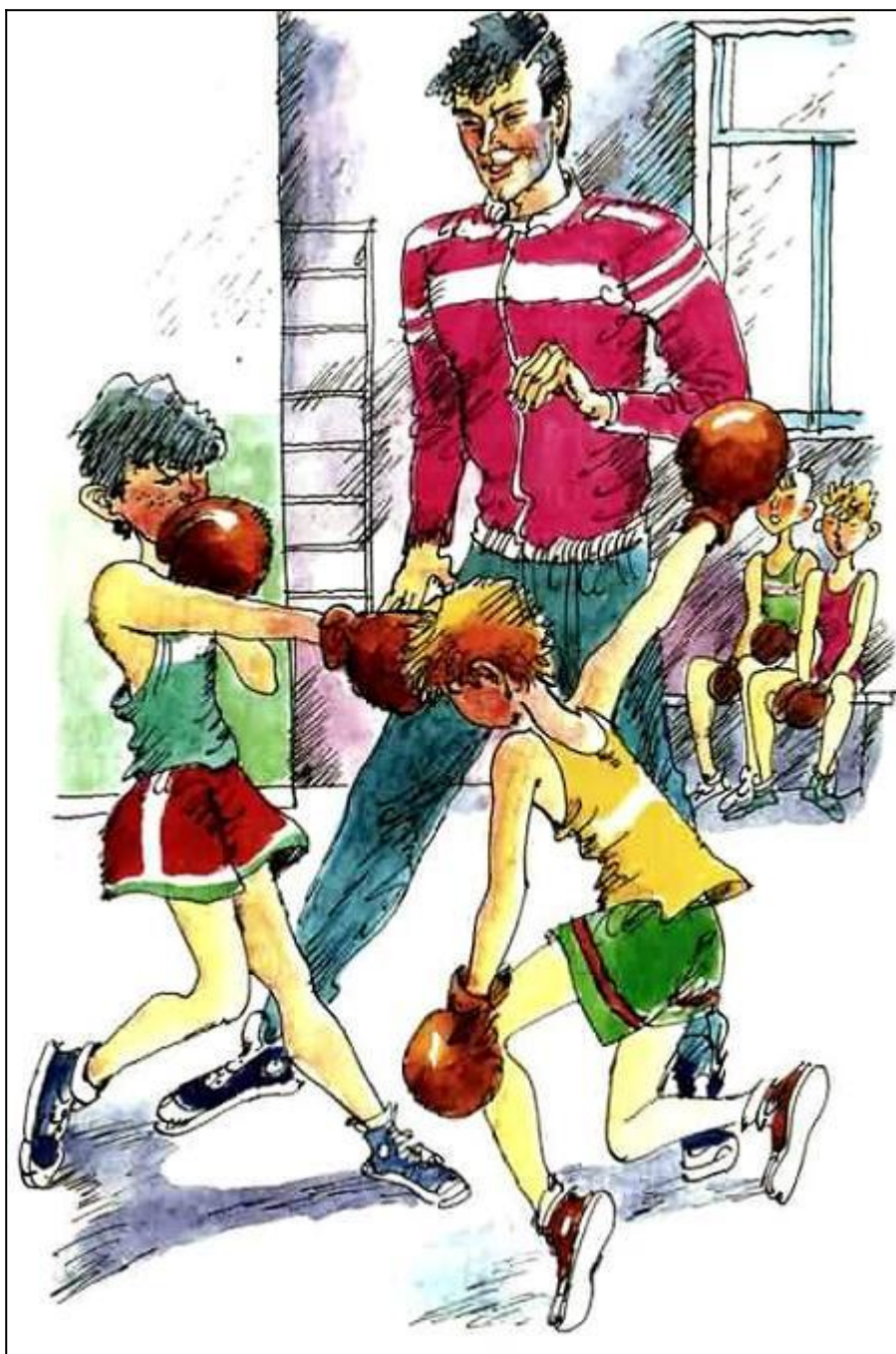
— Насквозь? — удивлялись ребята.

С тех пор за мной пошла слава сильнейшего. Даже после того, как рука прошла. И показывать было нечего. И вот я пришёл первым в секцию. И записался. И ещё ребята пришли. И Мишка тоже записался.

Начались занятия.

Я думал, нам сразу наденут перчатки и мы будем драться друг с другом. Я всем дам нокаут. Все скажут: «Вот это боксёр!» А тренер скажет:

«Эге, да ты чемпионом будешь! Надо тебе шоколад больше есть. Мы попросим у государства, чтоб государство тебя бесплатно кормило. Шоколадом и разными там сладостями. Раз такой редкий талант появился».

Но тренер не дал перчаток. Он выстроил нас по росту. Сказал:

— Бокс — дело серьёзное. Пусть все об этом подумают. А если кто из вас по-другому думает, то есть что бокс несерьёзное дело, пусть тот спокойно покинет зал.

Зал никто не покинул. Построились в пары. Как будто бы не на бокс пришли, а на урок физкультуры. Потом разучивали два удара. Махали руками по воздуху. Иногда тренер нас останавливал. Говорил, мы неправильно делаем. И начиналось сначала. Один раз тренер сказал кому-то:

— Вон там, в широченных штанах, что ты делаешь?

Я вовсе не думал, что это мне, а тренер ко мне подошёл и сказал, что я бью левой рукой вместо правой, в то время как все бьют только правой, и неужели нельзя быть внимательней.

Я обиделся и не пришёл больше. Очень мне нужно, думал я, заниматься какой-то глупостью. С моим-то ударом! Когда я стенку могу пробить. Очень мне всё это нужно! Пусть Мишка там занимается. И другие. А я приду, когда будут драться. Когда наденут перчатки. И тогда мы посмотрим. Очень мне нужно просто руками махать! Это прямо смешно.

Я перестал ходить в секцию. Только Мишку спрашивал:

— Каково? Всё руками машете?

Я всё смеялся над Мишкой. Дразнил его. И всё спрашивал:

— Ну, каково?

А Мишка молчал. Иногда говорил:

— Никаково.

Однажды он мне говорит:

— Завтра спарринг.

— Чего? — говорю.

— Приходи, — говорит, — сам увидишь. Спарринг — это учебный бой. Мы, в общем, драться будем.

То есть работать. По-нашему так.

— Ну работай, работай, — я говорю. — Зайду завтра к вам, поработаем.

Захожу в секцию на другой день.

Тренер спрашивает:

— Ты откуда?

— Я, — говорю, — здесь записан.

— Ах, вот оно что!

— Я в спарринг хочу.

— Ну! — сказал тренер.

— Ну да! — сказал я.

— Всё ясно, — говорит тренер.

Он надел мне перчатки. И Мишке надел перчатки.

— Слишком ты боевой, — сказал он.

Я сказал:

— Разве это плохо?

— Хорошо, — сказал он. — Очень даже.

Мы с Мишкой вышли на ринг.

Я размахнулся и как ударю! Но мимо. Я второй раз размахнулся — и сам упал. Значит, опять промахнулся. Я смотрю на тренера. А тренер говорит:

— Работай, работай!

Я встал и опять замахнулся, как вдруг Мишка мне как стукнет! Я хотел его тоже стукнуть, а он мне как трахнет в нос!

Я даже руки опустил. И не пойму, в чём дело.

А тренер говорит:

— Работай, работай!

Мишка говорит тренеру:

— Мне с ним неинтересно работать.
Я разозлился, на Мишку кинулся и упал снова. Не то споткнулся, не то от удара.
— Нет, — говорит Мишка, — я с ним работать не буду. Он всё время падает.
Я говорю:
— Я не всё время падаю. Я ему дам сейчас!
А он мне в нос как даст снова!
И я опять на пол сел.
А Мишка уже перчатки снимает. И говорит:
— Нет, это просто смешно мне с ним работать. Он совсем не может работать.
Я говорю:
— Ничего нет смешного... Я сейчас встану...
— Как хочешь, — говорит Мишка, — можешь и не вставать, это вовсе не важно... Сумку я спрятал под лестницу. А сам за угол завернул, на проспект вышел.
Весна. Солнышко. Птички поют. Неохота как-то в школу. Любому ведь надоест. Вот и мне надоело.
Иду, витрины разглядываю, во весь голос песни пою. Попробуй в классе запой — сразу выгонят. А тут пой, сколько твоей душе угодно. Так до конца проспекта дошёл. Потом обратно. Хорошо ходить! Ходи себе и ходи.
Смотрю — машина стоит, шофёр что-то в моторе смотрит. Я его спрашиваю:
— Поломалась?
Молчит шофёр.
— Поломалась? — спрашиваю.
Он молчит.
Я постоял, постоял, говорю:
— Что, поломалась машина?
На этот раз он услышал.
— Угадал, — говорит, — поломалась. Помочь хочешь? Ну, давай чинить вместе.
— Да я... не умею...
— Раз не умеешь, не надо. Я уж как-нибудь сам.
Что мне оставалось делать? Вздохнул и дальше пошёл.
Вон двое стоят. Разговаривают. Подхожу ближе. Прислушиваюсь. Один говорит:
— Как с патентом?!Другой говорит:
— Хорошо с патентом.
«Что это, — думаю, — патент? Никогда я про него не слышал».
Я думал, они про патент ещё скажут. А они про патент ничего не сказали больше. Про завод стали что-то рассказывать. Один заметил меня, говорит другому:
— Гляди-ка, парень как рот раскрыл. — И ко мне обращается: — Что тебе?
— Мне ничего, — отвечаю, — я просто так...
— Тебе нечего делать?
— Ага.
— Вот хорошо! Видишь, вон дом кривой?
— Вижу.
— Пойди подтолкни его с того боку, чтоб он ровный был.
— Как это?
— А так. Тебе ведь нечего делать. Ты и подтолкни его.
И смеются оба.
Я что-то ответить хотел, но не мог придумать. По дороге придумал, вернулся к ним.
— Не смешно, — говорю, — а вы смеётесь.
Они как будто не слышат.
Я опять:

— Не смешно совсем. Что вы смеётесь?

Тогда один говорит:

— Мы совсем не смеёмся. Где ты видишь, что мы смеёмся?

Они и правда уже не смеялись. Это раньше они смеялись. Значит, я опоздал немножко...

О! Метла у стены стоит. И никого рядом нету.

Дворник вдруг из ворот выходит.

— Не тронь метлу!

— Да зачем мне метла? Мне метлы не нужно...

— А не нужно, так не подходи к метле. Метла для работы, а не для того, чтобы к ней подходили.

Какой-то злой дворник попался! Метлы даже жалко.

Эх, чем бы заняться? Домой идти ещё рано. Уроки ещё не кончились. Ходить по улицам скучно.

Ребят никого не видно.

На леса строительные залезть?! Как раз рядом дом ремонтируют. Погляжу сверху на город. Вдруг слышу голос:

— Куда лезешь? Эй!

Смотрю — нет никого. Вот это да! Никого нет, а кто-то кричит! Выше стал подниматься — опять:

— А ну слезь!

Головой верчу во все стороны. Откуда кричат? Что такое?

— Слезай! Эй! Слезай, слезай!

Я чуть с лестницы не скатился.

Перешёл на ту сторону улицы. Наверх, на леса, смотрю. Интересно, кто это кричит? Вблизи я никого не видел. А издали всё увидел — рабочие на лесах штукатурят, красят...

Сел на трамвай, до кольца доехал. Всё равно идти некуда. Лучше буду кататься. Устал ходить.

Второй круг на трамвае сделал. На то же самое место приехал. Ещё круг проехать, что ли? Не время пока домой идти. Рановато. В окно вагона смотрю. Все спешат куда-то, торопятся. Куда это все спешат? Непонятно.

Вдруг кондукторша говорит:

— Плати, мальчик, снова.

— У меня больше денег нету. Только три копейки было.

— Тогда сходи, мальчик. Иди пешком.

— Ой, мне далеко пешком идти!

— А ты попусту не катайся. В школу, наверное, не пошёл?

— Откуда вы знаете?

— Я всё знаю. По тебе видно.

— А чего видно?

— Видно, что в школу ты не пошёл. Вот что видно. Из школы ребята весёлые едут. А ты как будто горчицей объелся.

— Никакой я горчицы не ел...

— Всё равно сходи. Прогульщиков я не вожу бесплатно.

А потом говорит:

— Ну уж ладно, катайся. В другой раз не разрешу. Так и знай.

Но я всё равно сошёл. Неудобно как-то.

Место совсем не знакомое. Никогда я в этом районе не был. С одной стороны дома стоят. С другой стороны нет домов; пять экскаваторов землю роют. Как слоны по земле шагают. Зачерпывают ковшиками землю и в сторону сыпят. Вот это техника! Хорошо сидеть в будке. Куда лучше, чем в школу ходить. Сидишь себе, а он сам ходит, да ещё землю копает.

Один экскаватор остановился. Экскаваторщик слез на землю и говорит мне:

— В ковш хочешь попасть?

Я обиделся.

— Зачем мне в ковш? Я в кабину хочу.

И тут вспомнил я про горчицу, что кондукторша мне сказала, и стал улыбаться. Чтоб экскаваторщик думал, что я весёлый. И совсем мне не скучно. Чтоб он не догадался, что я не был в школе.

Он посмотрел на меня удивлённо:

— Ты что?

— А что?

— Вид у тебя, брат, какой-то дурацкий.

Я ещё больше стал улыбаться. Рот чуть не до ушей растянул.

А он:

— Что с тобой?

— А чего?

— Что ты мне рожи строишь?

— На экскаваторе покатайте меня.

— Это тебе не троллейбус. Это машина рабочая. На ней люди работают. Ясно?

— Я тоже, — говорю, — хочу не нём работать.

Он говорит:

— Эге, брат! Учиться надо!

Я думал, что он про школу. И опять улыбаться стал.

А он рукой на меня махнул и залез в кабину. Не захотел со мной разговаривать больше.

Весна. Солнышко. Воробьи в лужах купаются.

Но почему мне так скучно?

В классе все пересказ писали, а я, как назло, в этот день заболел. Через пять дней только явился в школу.

Анна Петровна сказала мне:

— Вот возьми домой книжку, прочти её и напиши своими словами. Только не больше двух раз прочти.

— А если я не запомню?

— Пиши, как запомнишь.

— А третий раз ни за что нельзя?

— В крайнем случае — можно.

Пришел я домой. Прочёл два раза. Как будто запомнил. Забыл только, как слово «окно» писать — через «а» или «о». А что, если книжку открыть и заглянуть разок? Или это не крайний случай? Наверное, это не крайний случай. Ведь в основном я всё запомнил. Спрошу-ка я лучше у папы, можно мне заглянуть в третий раз или нет.

— Этот случай не крайний, — сказал папа. — Есть правило о безударных гласных. И ты должен знать это правило.

Правило я забыл. Пришлось наугад писать.

Анна Петровна прочла рассказ.

— Что же ты слово «окно» через «а» написал?

Я говорю:

— Был не крайний случай. И я не мог в третий раз заглянуть в книжку. А то бы я правильно написал.

Я бросил решать задачку и побежал в сад к ребятам. Бегу — навстречу идёт наш учитель.

— Как дела? — говорит. — Догоняешь ветер?

— Да нет, я так, в садик.

Иду рядом с ним и думаю: «Вот сейчас спросит меня про задачу: какой ответ получился. А я что скажу? Ведь я ещё не успел решить».

А он:

— Хороша погода...

— Ну да, — отвечаю, — конечно...

А сам боюсь: про задачу вдруг спросит.

А он:

— Нос-то у тебя красный! — и смеётся.

— У меня всегда нос красный, такой уж у меня нос.

— Что ж ты, — говорит, — так и собираешься с таким носом жить?

Испугался я:

— А что мне с ним делать?

— Продать его и купить новый.

— Это вы шутите.

Он опять смеётся.

Я жду, когда же он про задачу спросит.

Так и не спросил про задачу.

Забыл, наверное.

На другой день вызывает меня:

— А ну, покажи задачу.

Не забыл, оказывается.

Иду я как-то по пионерлагерю и в такт напеваю что попало. Замечаю — получается в рифму. Вот, думаю, новость! Талант у меня открылся. Побежал я к редактору стенгазеты.

Женька-редактор пришёл в восторг.

— Замечательно, что ты стал поэтом! Пиши и не зазнавайся.

Я написал стихотворение о солнце:

Льётся солнца луч

На голову мне.

Эх, хорошо

Моей голове!

— Сегодня с утра идёт дождь, — сказал Женька, — а ты пишешь о солнце. Поднимется смех и всё

такое. Напиши о дожде. Мол, не беда, что дождь, мы всё равно бодры и всё такое.

Стал я писать о дожде. Правда, долго не получалось, но наконец получилось:

Льётся дождь

На голову мне.

Эх, хорошо

Моей голове!

— Не везёт тебе, — говорит Женька, — дождь-то кончился — вот беда! И солнце пока не показалось.

Сел я писать о средней погоде. Тоже сразу не выходило, а потом вышло:

Ничто не льётся

На голову мне.

Эх, хорошо

Моей голове!

Женька-редактор мне говорит:

— Смотри, вон солнце опять показалось.

Тогда я сразу понял, в чём дело, и на другой день принёс такое стихотворение:

Льётся солнца луч

На голову мне,

Льётся дождь

На голову мне,

Ничто не льётся

На голову мне.

Эх, хорошо

Моей голове! Сеня и его сосед по парте не заметили, как вошёл учитель. Сеня нарисовал на ладони себя и показал соседу.

— Это я, — сказал он. — Похоже?

— Нисколько, — ответил Юра, — у тебя не такие уши.

— А какие же у меня уши?

— Как у осла.

— А у тебя нос — как у бегемота.

— А у тебя голова — как еловая шишка.

— А у тебя голова — как ведро.

— А у тебя во рту зуба нет...

— А ты рыжий.

— А ты селёдка.

— А ты вуалехвост.

— А что это такое?

— Вуалехвост — и всё.

— А ты первердер...

— Это ещё что значит?

— Значит, что ты первердер.

— А ты дырбыртыр.

— А ты выртырвыр.

— А ты rrrrrrrr...

— А ты zzzzzzzz...

— А ты... ы-ы! — сказал Юра и увидел рядом учителя.

— Хотел бы я знать, — спросил учитель, — кто же всё-таки вы такие?

Маше семь лет. Она ходит в школу в первый класс и учится на «отлично». Её ставят в пример как лучшую ученицу. А однажды вот что случилось. Она не выучила урока и вообще ничего не могла

ответить. Весь класс пришёл в удивление, и все мальчики и девочки подумали: «Вот это да!»

Учитель строго взглянул на неё.

— Объясни мне, что это значит?

Маша заплакала и объяснила всё по порядку.

— У нас большое несчастье. Мама передвигала комод. А братик сидел на полу. Он крутил волчок. Волчок закатился под комод. Братик полез за волчком. И мама ему прищемила живот. Братика увезли в больницу. Все плакали очень сильно, и я не могла учить урок.

Мальчики и девочки подумали: «Вот это да!» А учитель сказал:

— Раз такое дело, это совсем другое дело. — И погладил Машу по голове.

Прошло несколько дней.

Учитель встретил Машину маму. Он ей говорит:

— У вас такое несчастье. Вы придавили сына комодом. Мы все вам сочувствуем.

— Что вы, что вы! — сказала мама. — У меня нет ни комода, ни сына. У меня только дочка.

Всё из-за фамилии происходит. Я по алфавиту первый в журнале; чуть что, сразу меня вызывают. Поэтому и учусь хуже всех. Вот у Вовки Якулова все пятёрки. С его фамилией это нетрудно — он по списку в самом конце. Жди, пока его вызовут. А с моей фамилией пропадёшь. Стал я думать, что мне предпринять. За обедом думаю, перед сном думаю — никак ничего не могу придумать. Я даже в шкаф залез думать, чтобы мне не мешали. Вот в шкафу-то я это и придумал.

Прихожу в класс, заявляю ребятам:

— Я теперь не Андреев. Я теперь Яндреев.

— Мы давно знаем, что ты Андреев.

— Да нет, — говорю, — не Андреев, а Яндреев, на «Я» начинается — Яндреев.

— Ничего не понятно. Какой же ты Яндреев, когда ты просто Андреев? Таких фамилий вообще не бывает.

— У кого, — говорю, — не бывает, а у кого и бывает. Это позвольте мне знать.

— Удивительно, — говорит Вовка, — почему ты вдруг Яндреевым стал!

— Ещё увидите, — говорю.

Подхожу к Александре Петровне:

— У меня, знаете, дело такое: я теперь Яндреевым стал. Нельзя ли в журнале изменить, чтобы я на «Я» начинался?

— Что за фокусы? — говорит Александра Петровна.

— Это совсем не фокусы. Просто мне это очень важно. Я тогда сразу отличником буду.

— Ах, вот оно что! Тогда можно. Иди, Яндреев, урок отвечать.

На перемене Марик мне говорит:

— Давай убежим с урока. Смотри, как на улице хорошо!

— А вдруг тётя Даша задержит с портфелями?

— Нужно портфели в окно побросать.

Глянули мы в окно: возле самой стены сухо, а чуть подальше — огромная лужа. Не кидать же портфели в лужу! Мы сняли ремни с брюк, связали их вместе и осторожно спустили на них портфели. В это время звонок зазвенел. Учитель вошёл. Пришлось сесть на место. Урок начался. Дождь за окном полил.

Марик записку мне пишет:

— Пропали наши тетрадки

Я ему отвечаю:

— Пропали наши тетрадки

Он мне пишет:

— Что делать будем?

Я ему отвечаю:

— Что делать будем?

Вдруг вызывают меня к доске.

— Не могу, — говорю, — я к доске идти.

«Как же, — думаю, — без ремня идти?»

— Иди, иди, я тебе помогу, — говорит учитель.

— Не надо мне помогать.

— Ты не заболел ли случайно?

— Заболел, — говорю.

— А с домашним заданием как?

— Хорошо с домашним заданием.

Учитель подходит ко мне.

— А ну, покажи тетрадку.

Я молчу.

— Что с тобой происходит?

Я молчу.

— Придётся тебе поставить двойку.

Он открывает журнал и ставит мне двойку, а я думаю о своей тетрадке, которая мокнет сейчас под дождём.

Поставил учитель мне двойку и спокойно так говорит:

— Какой-то сегодня ты странный...

Ника учился плавать давно. Еще зимой. Он быстро ходил по комнате и разводил перед носом руками. Вот так: раз-два. И получалось совсем неплохо — стиль брасс. При этом он фыркал, будто в воде, — ну, как настоящий пловец! Он не раз видел, как плавают, даже видел, как чемпион плавал. Чемпион точно так же фыркал и разводил точно так же руками. Чемпион, правда, плыл в бассейне, а Ника ходил по комнате, но надо же научиться когда-то? Не сразу же начинать!.. Постепенно надо...

Бабушка, видя, как Ника старается, говорила:

— Вот так. Во-во!.. Хорошо! А ну, еще!

И Ника всю старался. Ходил и фыркал.

Но вот и лето пришло. Поехал Ника в деревню. В деревне пруд. Большущий такой пребольшущий.

Пошел Ника к пруду. Замечательный пруд. Стоит Ника, смотрит. А в воду влезть не решается.

Ребята плескаются, плавают, а он стоит и смотрит.

Ему кричат:

— Ты чего рот разинул? Иди сюда. Вода теплая.

— Я потом, — отвечает Ника.

А про себя думает: «Еще рано. Нужно еще подучиться зимой. Потренироваться. Дома как-то спокойней. Спешить-то некуда. Не последнее лето. Будет ведь лето еще!»

И верно. Будет зима. Потом будет лето. Потом снова будет зима. Потом опять лето... Что верно, то верно!

Этот мальчик был так закутан, что на него нельзя было смотреть без смеха. Поверх всего он был обмотан большим шерстяным платком. Из сплошного клубка одежды торчали лишь нос и два глаза.— Как ты на коньках катаешься? — спросил я.

— Никак.

— И на лыжах не катаешься?

— Не катаюсь.— Вот так и стоишь у стены без движения?

— А зачем мне движение?

— Так ты бы лучше дома сидел.

— Я вышел воздухом подышать.— Научить тебя на коньках кататься?

— Не надо.

— Тебе одежда мешает? Так ты разденься.

— Мне холодно будет.— На коньках холодно не бывает.

— Мне и так тепло.

— Вот чудак! Ну и стой возле стенки, только смешно смотреть на тебя. Как чучело.

— Сам ты чучело.— А вот и нет.

— Как же нет, когда ты вон какой смешной! Не смей смеяться, я тебя стукну!

— Как же ты стукнешь? Тебе и руку поднять невозможно.

Я побежал

кататься. Закутанный мальчик очень обиделся, побежал за мной, но сейчас же упал.

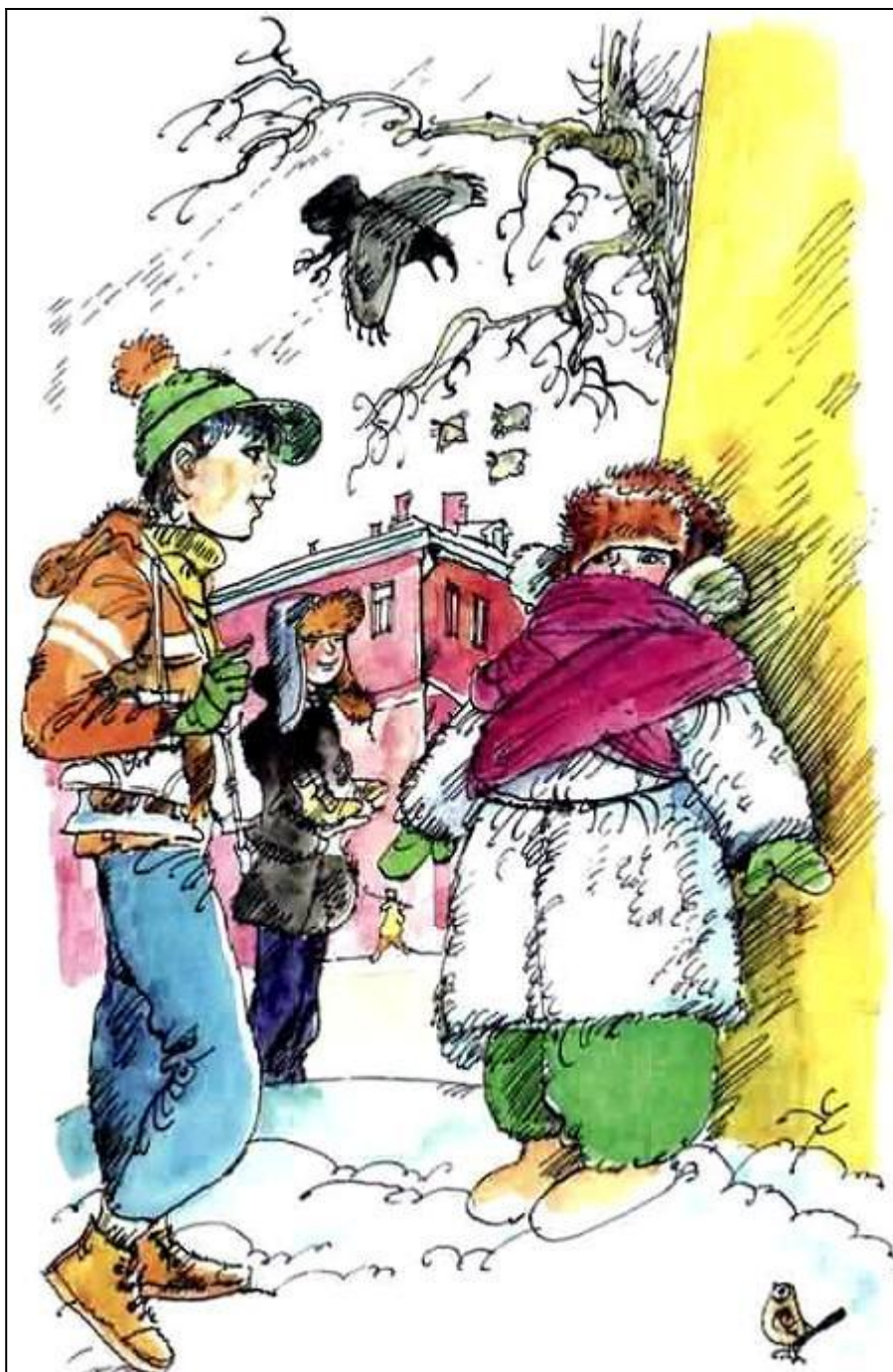
— Поставьте его у стены, — сказал кто-то, — а то он так и будет все время падать. В воображении моем создавалась картина нашей драки: мы с Васькой катаемся по земле, вцепившись друг в друга, он меня царапает, а я его. Никто пощады не просит, бесконечно долгое время катаемся, царапаемся и кусаемся...

Глупость, конечно, если рассудить: отправляемся после уроков драться, вместо того чтобы домой обедать.

Спор был, кому на последней парте возле окна сидеть.

Место редкое, незаметное и обзорное. Сколько хочешь всю улицу обзривай, а хочешь — весь класс обзривай. К доске раз в месяц вызовут, а то и того меньше. Опустить голову, тебя и не видать. Вроде бы в классе, а вроде бы тебя и нет. Замечательное, в общем, место. Сашка там раньше сидел, одни пятерки получал. Сашка коклюшем заболел, и место освободилось. Васька взял и сел туда. А я давно на это место метил. Можно сказать, мечтал туда уединиться.

Пишу Ваське записку: «Освобождай место, я его раньше заметил». Он мне отвечает: «Кто раньше

сел, тот и сидит». Он раньше сел, но я раньше заметил. Я ему пишу: «Кто раньше заметил, тот и должен сидеть, а не тот, кто сразу сел». Он мне отвечает: «Сначала докажи, что ты раньше заметил, а потом садись».

Как же я докажу, вот хитрец! Я ему кулаком погрозил, а он смеется.

На перемене подхожу, заявляю свои законные требования, а он их законными не признает. Неужели не понимает, что я давно мечтал на последней парте сидеть! Хватаю его за рукав и тяну. А он не поддается.

В это время звонок. Я на место. Попробую его на следующей перемене вытащить.

Он мне записку пишет: «Ты за это получишь!» Я ему кулак показал, чтобы он знал, кто получит. Тем более мне получать не за что, а ему есть. Он на мое место сел, а не я на его.

На следующей перемене я его снова тащить начал.

И вот теперь отправляемся мы на речку драться.

Школа у нас на горе помещается. А внизу речка. Полянка. Знаменитый художник Левитан, говорят, написал здесь несколько своих пейзажей. Уютное местечко. Изумительный вид. Лучше места для драки не сыскать.

Спустились по тропинке на полянку.

Трава вовсю зеленеет. Птицы галдят на деревьях. А рядом речка журчит. И лошади пьют воду.

Стоим мы с Васькой среди настоящей весны, замечательной природы, замечаем в небе самолет и глядим на него с удовольствием.

С удовольствием гоняем по траве чей-то старый ботинок, мочим в речке ноги, пьем воду с лошадьми, загораем без маек, болтаем обо всем на свете и договариваемся сидеть на той парте по очереди до тех пор, пока Сашка не выздоровеет от коклюша.

Второклассник Гена послал свой рисунок на конкурс.

Всему классу он заявил по такому случаю:

— Скоро я получу премию, тогда вы все запоете!

Некоторые девочки по такому случаю новые банты завязали. Некоторые ребята предлагали свои услуги, всячески заискивали перед ним. Боялись, как бы в будущем им не пришлось запеть. Один мальчишка донес ему портфель до дому, правда, им было по дороге, но все-таки. Таких ребят оказалось мизерное количество. Один, два, три. В основном ребята на его слова особенного внимания не обратили. Получи еще! Потом страшай. И хвастайся. Хотя в любом случае этого делать не стоит.

Гена нисколько не сомневался в своем успехе. Иначе бы он не пугал одноклассников. Тем более по рисованию он имел хорошие оценки. Стенгазету рисовал без посторонней помощи. Два раза его видели с самоучителем по рисованию в руках.

Он был уверен. Наступит день! Все еще непременно запоют! Все ему пожимают руки, хвалят и обнимают. Целуют и гладят по голове. Рисунок его помещают на самом видном месте. Громадными печатными буквами пишут: ГЕНА ЯЩИКОВ ЗАВОЕВАЛ... НАГРАЖДАЕТСЯ... Ценный подарок дадут. На, носи, скажут, держи, не ломай, не теряй, береги. Но не в подарке дело! В награждении. В почете. Главное, чтобы стоящая вещь была, а остальное все ерунда. В таких случаях обычно фотоаппаратами награждают. Вон Димке, за то, что кроссворд отгадал, аппарат дали. Он кошку в гардеробе снял. Внукова и Христобокова. Если бы он меня снял, я его тоже бы снял. А раз он меня не снял, я его тоже снимать не буду... А вдруг дадут такое, что мне не нужно? Спрашивали бы награжденных: «Что вы хотите?» Мне, например, давно хочется обезьянку. Я бы ее в класс притащил, на свое место за парту посадил, а сам бы под парту спрятался. Вместо меня на парте сидит, а меня нету. На всю школу, наверное, прославился бы.

А то еще книги дадут, да я их и не читаю.

А то еще цветы, да я их не люблю.

А то еще... А то еще...

Ему не дали ничего.

Он забыл одно важное обстоятельство: другие дети тоже рисовали. Они тоже посылали рисунки на этот же самый конкурс. Вот если бы он был один... Тогда он непременно получил бы все премии, начиная с первой, кончая третьей, не исключая поощрительных.

Тогда не с кем было бы сравнивать.

И весь Генин класс сразу бы хором запел.

Скоро выйдем на лед в боевом составе!

Коля и Витя выздоровели от гриппа. Митя выздоровел от коклюша. Андрюша тоже выздоровел. Гена приехал из Москвы, где он жил с родителями три года. Саша, загорелый, как черт, вернулся с отцом — послом, из Индии.

Сашу мы никак не ожидали. Хоккейная команда из шести человек состоит, а он седьмым оказался, то есть лишним.

Мы ему спокойно объясняем:

— Ты нас извини, но ты седьмой. Мы тебя не можем включить в свою команду. Откуда мы знали, что ты приедешь?

— В какую команду? — спрашивает.

— Известно в какую, не в пожарную же!

— А зачем мне в команду? — спрашивает.

Мы как заорем:

— Да ты что?! В команду не хочешь?!

Он перепугался и говорит:

— Хочу, хочу!

— Но мы тебя взять не можем.

— Почему?

— Вот чудак, потому что ты седьмой.

— А вы какие? — спрашивает.

— Мы укомплектованная команда.

Он в затылке почесал и говорит:

— А я?

— А ты седьмой!

— Ну и что?

Мы ему говорим:

— Раз ты русских слов не понимаешь, мы тебя даже запасным не возьмем.

Он рот скривил, весь задрожал от злости, сплюнул в нашу сторону и говорит:

— Катитесь-ка вы все от меня колбаской!

Красный стал. Так ничего и не понял.

Оказалось, мы еще забыли Толика. Он такой тихий, и мы его из виду выпустили.

— Может быть, шахматами займешься? — спрашиваем.

— Могу, — говорит, — и шахматами заняться.

— А мы тебя хотели в команду взять.

— Ладно, — говорит, — берите.

— Только у нас места нет.

— Ну и не надо, — говорит, — не берите.

— Ты ведь даже не знаешь, какая у нас команда!

— Берите, мне не жалко, — говорит.

— И нам не жалко, только ты, пожалуйста, не переживай.

— Да я и не переживаю.

— Знаем мы тебя. На вид не переживаешь, а внутри с ума сходишь.

— Тогда берите, — говорит.

— Сознайся, правда ведь с ума сходишь по нашей команде?

Он молчит.

Мы к нему вовсю пристали, чтобы сознался.

Он молчал, молчал, а потом головой мотнул — сознался.

Мы его запасным взяли.

Настал день встречи с соседним двором.

Солнце светит. Тепло. С крыш каплет. Настроение у нас боевое. Спортивная форма на высоте. А вместо катка лужа.

Саша, загорелый, как черт, ходит вокруг лужи и улыбается.

Коля говорит Вите:

— Когда мы с тобой гриппом болели, лужи не было. Может быть, это Сашина работа? Может быть, он солью посыпал?

Ни с того ни с сего над Митей стали смеяться:

— Эх ты, из-за своего коклюша весь хоккеем прокашлял!

Он разволновался и снова закашлял.

Андрюша встал в лужу и говорит;

— Тут еще немножечко льда осталось, может быть, все-таки удастся сыграть?

Хотя ясно, что не удастся.

Гена говорит:

— Если бы я знал, я бы из Москвы не уезжал, там совсем другая обстановка, — и со всей силой швырнул сосулькой в смеющегося Сашу.

Мы долго вели разговоры, все в таком же духе, никак не могли от лужи отойти.

Вдруг Витя говорит:

— Ребята! Давайте футбольную команду собирать, чтобы в долгий ящик не откладывать. По всем правилам — одиннадцать человек.

Гена кричит Саше:

— Иди сюда! Не бойся!

Тот не идет.

Мы ему кричим:

— Иди, иди сюда, мы тебе ничего не сделаем!

Он не идет.

— Я! — кричит. — Могу! Вас всех! Такой сосулькой забросать! Что вы у меня вдребезги разлетитесь!!!

— Да никто в тебя сосулькой бросать не собирается, у нас к тебе дело есть!

— Я с вами никаких дел иметь не желаю! — отвечает. — Я вас еще сосульками не так закидаю, подождите!

— Да отстань ты со своими сосульками, — говорим, — закидай, пожалуйста, у нас к тебе серьезное предложение.

А он громадную сосульку оторвал от водосточной трубы и грозит.

С трудом его уговорили, он сосульку бросил, и мы к нему подошли. Зовем его в нашу футбольную команду, а он упирается.

— Так, так... — говорит, — теперь у вас положение изменилось, так вы ко мне пришли? Катитесь вы колбаской!

— Смотри, — говорим, — потом пожалеешь! Мы тебя даже запасным не возьмем!

А он свое:

— Не выйдет у вас это! Не пройдет!

Толик очень удивился, что он теперь футболистом будет.

— А раньше кем я был? — спрашивает.

— Раньше хоккеистом.

— Когда же я им был?

Он, оказывается, не знал, в какую команду мы его вначале включили. Ему, оказывается, все равно

было: состоять в какой-нибудь команде или не состоять.

Пошли по квартирам собирать недостающих.

Сплошная морока с этими недостающими!

Если бы мы в футбол уже играли, они бы умоляли взять их в команду, а когда мы к ним заранее пришли, они упираются. Мы даже к малышам обратились.

Один малыш говорит:

— А вы мне в копилку положите пять копеек?

Мы ему обещали, и он дал свое согласие.

Другой малыш сказал:

— Сейчас у меня со временем туго. Я способный пианист, усиленно упражняюсь на рояле. Обещать вам не могу, но постараюсь. Только не вратарем. Не имею права портить руки о мяч.

Витя возьми да скажи:

— А ноги тебе портить можно? — взял способного музыканта за уши да потянул.

Малыш завыл, а Коля сказал:

— Я его, кажется, по телевизору видел, он на рояле играл.

Витя говорит:

— Подумаешь! Нас тоже скоро по телевизору покажут! Всю команду.

Пенсионер дядя Петя Макагонов выразил желание стоять в воротах, раз у нас такое критическое положение. Хотя он и пошутил, но мы ему вполне серьезно отказали.

Забавный инцидент произошел с Галей Хорошайловой. Она узнала, что мы футбольную команду собираем, за нами увязалась, претендует на роль центра нападения.

Мы ей объясняем:

— Ну кто ты такая, посмотри на себя!

Она говорит:

— Я центр нападения.

Мы смеемся, а она в ответ:

— А вы дураки!

Еле-еле от нее отвязались.

Одиннадцатого игрока мы долго найти не могли, как вдруг появился во дворе бывший хулиган Николай Богданов. Я сразу ему предложил стать в воротах.

А он мне как щелкнет в нос, да с такой силой, что слезы из глаз потекли.

— Я, — кричит, — тебе покажу! Как надо мной издеваться!

Мы от него разбежались в разные стороны, и за сараем собрались.

Неожиданно дядя Петя появился, схватил Богданова за руку и говорит:

— Вместо того чтобы исправиться, ты опять за старое!

Богданов задрожал и говорит:

— Буду, буду стоять в воротах!

Дядя Петя говорит:

— Я и то согласился, а ты кривляешься, ишь ты какой важный!

Но как только дядя Петя его отпустил, Богданов отбежал на почтительное расстояние и стал орать:

— Ловите! Ловите! — и по водосточной трубе полез на крышу.

Дядя Петя вздохнул и говорит:

— Пропадет человек, а жаль! Ничего, мы за него возьмемся. А вы не печальтесь, ребята, я вам своего внука из пятнадцатого дома приведу, он будет счастлив.

— Только вы никому ни слова, что он не из нашего двора, а то скандал будет.

Дядя Петя сначала не понял, почему скандал будет, а когда разобрался, что подлог получается — чужих игроков переманиваем, а сами от имени своего двора выступаем, засмеялся и говорит:

— Никому на свете не скажу, можете на меня положиться.

Мы на него целиком положились и всей командой пошли есть мороженое.

А потом Саша вынес свой новый индийский мяч во двор и мы его гоняли по лужам, лупили что есть силы по сосулькам, всю тренировались.

Устали и отправились в соседний двор договариваться о встрече. Я свою подметку каждый день по утрам пришивал, а к вечеру она у меня отваливалась. Как сапожник пришивает подошвы, что они долго не отлетают? Этот вопрос меня тогда очень интересовал. И ходить-то я старался осторожно, чтобы подошва эта раньше времени не отлетала. А когда в футбол играли, стоял только и смотрел, до чего обидно! Но она все-таки отлетала, не дождавись вечера, и хлопала, как выстрел, при ходьбе. Если я издали видел знакомых, останавливался и стоял, чтобы, чего доброго, не заметили моей ужасной подошвы.

Пришло лето, и я эти свои ботинки выкинул и шлепал босиком. Раз лето. Раз война. Нужда. Отец на фронте. Да мы, мальчишки, могли и без ботинок обойтись. В такое-то время! Только в школу босиком не полагалось. Да я и в школу приходил. Когда учитель меня спросил, неужели у меня нет каких-нибудь старых ботинок, чтобы в приличном виде явиться в школу, я ему ответил: «Нет, Александр Никифорович».

Он пожал плечами и сказал:

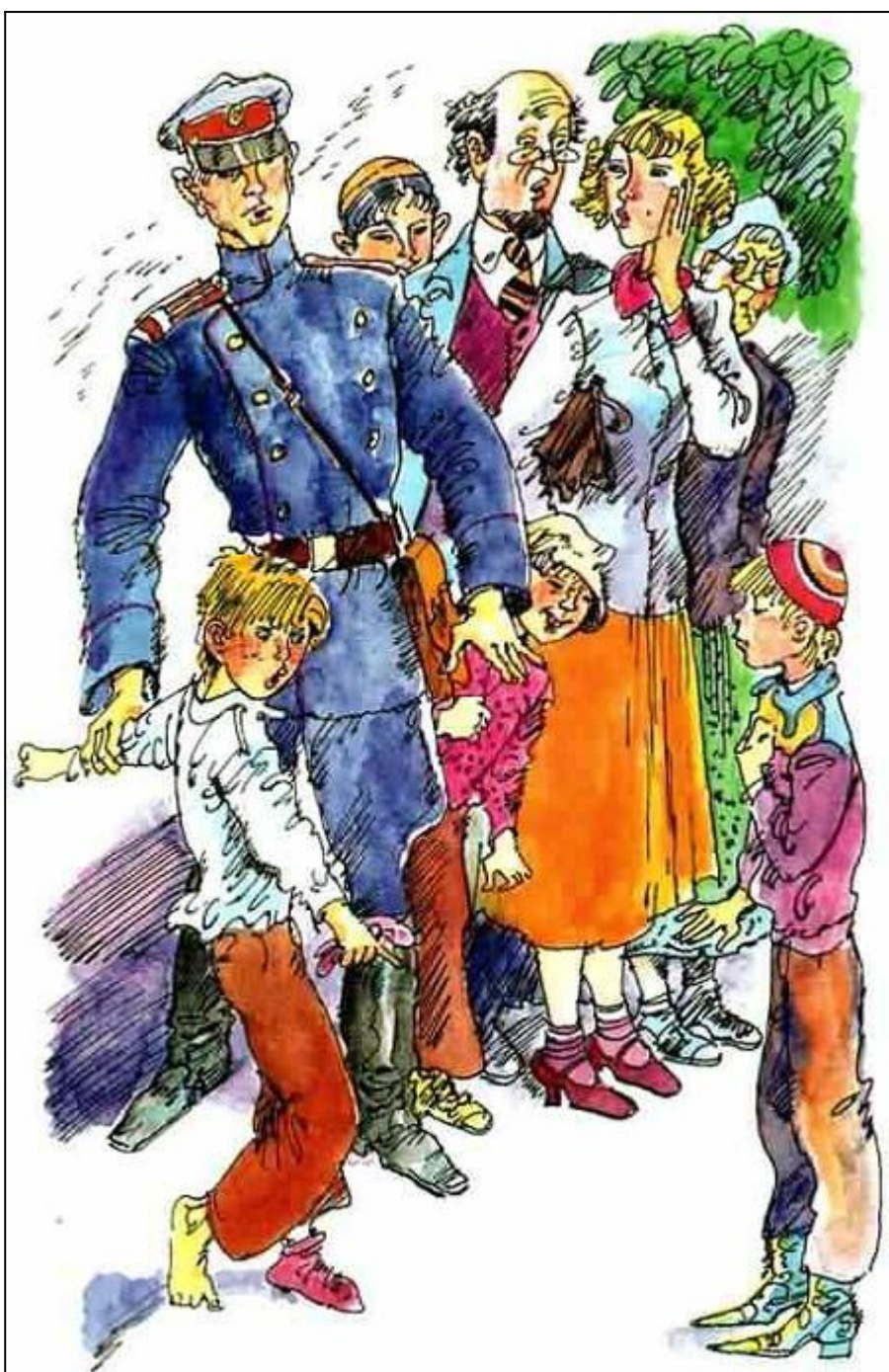
«Ну, раз нет, значит, нет». Так просто тогда было с этим делом!

И вдруг Васька в своих серебряных туфлях появился во дворе. Вот это была картина! Самые настоящие долгоносики, остренькие, длинные носы, а блестят-то как! А как они скрипели! Васька Котов вышел в этих своих серебряных потрясающих туфлях, а я открыл рот и долго не мог закрыть его.

— Такие туфли носят только на балах и только в Аргентине, — сказал Васька. — Вовнутрь-то, вовнутрь посмотри!

Он снял туфлю, и я ошалело смотрел внутрь туфли на аргентинское клеймо. А Васька стоял на одной ноге, держась за мое плечо, важный и довольный.

Еще бы! Там, в далекой Аргентине, пляшут на балу аргентинцы в серебряных туфлях, а теперь в них будет ходить по нашим бакинским улицам Васька Котов.

Собирались ребята, охали и ахали и трогали руками серебро.

— Купили на толкучке, — рассказывал Васька. — Совершенно случайно. Абсолютно по дешевке достались, просто-напросто повезло...

Кто-то попросил померить, и Васька сразу ушел. Померить он никому не хотел давать.

В этот вечер мы с ним пошли в оперетту. Я босиком, а он в своих долгоносиках.

Некоторые оперетты мы раз двадцать видели, а тут новую оперетту показывали. Честно говоря, мы только потому и ходили на эти спектакли, что через забор лазали. А так с гораздо большим удовольствием в кино пошли бы.

Рядом с его серебряными туфлями нелепыми и безобразными казались мои собственные пыльные ноги, а пальцы, казалось, смешно топорщатся во все стороны.

Да и другие мальчишки в оперетту босиком ходили, никто на них особого внимания не обращал. Ничего такого в этом не было, тем более оперетта в летнем саду помещалась.

Васька меня на забор подсадил, снял туфли и мне протянул. Ему в них на забор никак было не забраться. А мне с этими туфлями сидеть на заборе тоже неудобно. Одной рукой туфли держать, а другую ему протягивать.

Кричу:

— Давай скорее руку, а то свалюсь!

Он замешкался, стал почему-то носки снимать, хотя и в носках можно было лезть спокойно. Как раз ребята подошли, торопят, никому неохота в оперетту опаздывать.

В общем, он мне руку подать не успел, я не удержался и на ту сторону свалился вместе с туфлями. Хорошо еще, удачно упал, ничего такого не приключилось. Только в рот земля попала.

Я эту землю выплюнул, встал, отряхнулся и жду, когда Васька появится. Ребят-то там много, помогут ему на забор подняться.

А он все не появляется.

Мимо прогуливаются люди по широкой аллее в ожидании звонка и, как мне кажется, на меня поглядывают.

Тогда я надеваю Васькины туфли на свои ноги и отхожу в более темное место.

Но Васька все не появляется.

Я еще немного постоял и пошел к выходу. А прямо мне навстречу милиционер ведет Ваську за руку. На одной ноге у него носок, а другим носком он вытирает слезы.

Васька, как только увидел меня в своих туфлях, заорал не своим голосом на всю оперетту:

— Свои грязные ноги засунул в мои туфли!!! Ааааа!!!

Даже милиционер растерялся.

— Ты мне смотри, вырваться! — говорит. — Ишь ты! В одном носке в оперетту собрался да еще вырывается!

— Это правда, — кричу я, — на мне его туфли!

— Не суйся не в свое дело! Тоже мне защитник нашелся!

Милиционер меня и слушать не хотел. Вокруг говорят:

— Смотрите-ка, смотрите, у парнишки носок на одной ноге...

— А по-вашему, если бы он в двух носках явился сюда, было бы лучше?

— Ему бы на сцену в таком опереточном виде!

Я стал снимать туфли, чтобы Ваське отдать, но меня оттеснили.

Ведут Ваську в пикет. Впереди большущая толпа. Ну и дела!

Пока Ваську вели, он все время оборачивался и повторял:

— Снимай мои туфли! Снимай мои туфли!

Он только о туфлях и думал, смелый все-таки человек, совсем не думал о том, что попался.

Я все старался в пикет пройти, но меня не пустили.

И чего он о своих туфлях расстроился? Не мог же я их все это время в руках держать! Подумаешь! Как будто бы их помыть нельзя!

Я подхожу к фонтану и тщательно мою его туфли. Все старался поглубже засунуть руку в носок,

чтобы как можно лучше вымыть.

И вдруг замечаю, что эти прекрасные туфли расползаются, а блестящая серебряная краска слезает, как чешуя с рыбы...

В это время из пикета выходит Васька и направляется ко мне.

Подходит.

Я стою, опустив голову, держу в каждой руке по туфле.

Его лицо бледнеет при свете фонарей.

— Ты стер мое аргентинское клеймо?! — вдруг кричит он сдавленным голосом.

Васька Котов выхватывает у меня свои туфли.

— А почему они мокрые? — спрашивает он и бежит к фонарю.

Там, у фонаря, он сразу замечает всю эту ужасную непоправимую перемену со своими туфлями...

— Это не мои туфли!!! — кричит он.

— Все смылось, смылось, смылось... — твержу я.

— Как это смылось?! — орет он визгливо.

Распахнулись двери зала. Народ хлынул из дверей и увлек нас к выходу.

Я потерял в толпе Ваську, но при выходе он снова оказался рядом со мной и прошипел мне в самое ухо:

— Отдавай мне новые туфли... слышишь? Отдавай!

Я понимал его.

— Какие были! — заорал он.

В это же самое время мне наступили на ногу, я скорчился от боли и крикнул ему со злостью:

— Пошел ты от меня со своими долгоносиками!

— Ах, так! — крикнул он и, рывком вырвавшись из толпы, помчался вверх по улице по направлению к дому, а я пошел за ним.

Всю ночь мне снились танцующие аргентинцы в серебряных ботинках, я в ужасе проснулся.

Пришел Васька. В каких он был рваных сандалиях! Трудно даже себе представить. Каким-то чудом эти сандалии держались на его ногах.

— Мне нечего надеть, — сказал он тихо.

Я смотрел на его сандалии, вздыхая и сочувствуя ему.

— А те никак нельзя зашить? — спросил я тихо.

— Никак, — сказал он.

— Неужели никак нельзя зашить?

— Они не настоящие, — сказал он, опустив голову.

— Какие же они?

— Они картонные, — сказал Васька.

— Как?

— Они театральные, — сказал Васька. — Все равно бы они развалились...

— Как то есть театральные?

— Ну, специально для театра, на один раз... у них там делают такие туфли на один раз...

— Зачем же тебе их купили?

— Случайно купили...

— Значит, они театральные?

— Театральные... — сказал Васька.

— Тогда черт с ними! — сказал я.

— Черт с ними... — сказал Васька.

— Это замечательно, что они театральные! — сказал я.

Хотя ничего замечательного, конечно, в этом не было. Но все равно это было замечательно!

— Снимай сандалии, — сказал я, — зачем тебе сандалии! Снимай их, и пойдём в оперетту!

Когда я впервые шел в школу первого сентября в первый класс, я очень боялся, что меня там будут

сразу что-нибудь сложное спрашивать.

Например, спросят: сколько будет 973 и 772? Или: где находится такой-то город, который я не знаю, где он находится. Или заставят быстро читать, а я не смогу — и мне поставят двойку.

Хотя родители меня уверяли, что ничего подобного не произойдет, я все равно волновался.

И вот такой взволнованный, даже напуганный, я вошел в класс, сел за парту и тихо спросил своего соседа:

— Писать умеешь?

Он покачал головой.

— А девятьсот семьдесят три и семьсот семьдесят два можешь сложить?

Он покачал головой и испуганно на меня посмотрел.

— А быстро умеешь читать?

Он совсем перепугался, чуть под парту не полез. Читать он совершенно не умел.

Я кое-как читать умел, но все равно боялся.

В это время учительница спросила меня, как моя фамилия, а я решил, что меня сейчас заставят быстро читать или слагать большие числа, и сказал:

— Я ничего не знаю!

— Чего не знаешь? — удивилась учительница.

— Ничего я не знаю! — крикнул я испуганно.

— А как зовут тебя, знаешь?

— Не знаю! — сказал я.

— Ни фамилии своей, ни имени не знаешь?

— Ничего не знаю! — повторил я.

В классе засмеялись.

Тогда я сквозь шум и смех класса крикнул во все горло:

— Свою фамилию и свое имя я знаю, но больше я ничего не знаю!

Учительница улыбнулась и сказала:

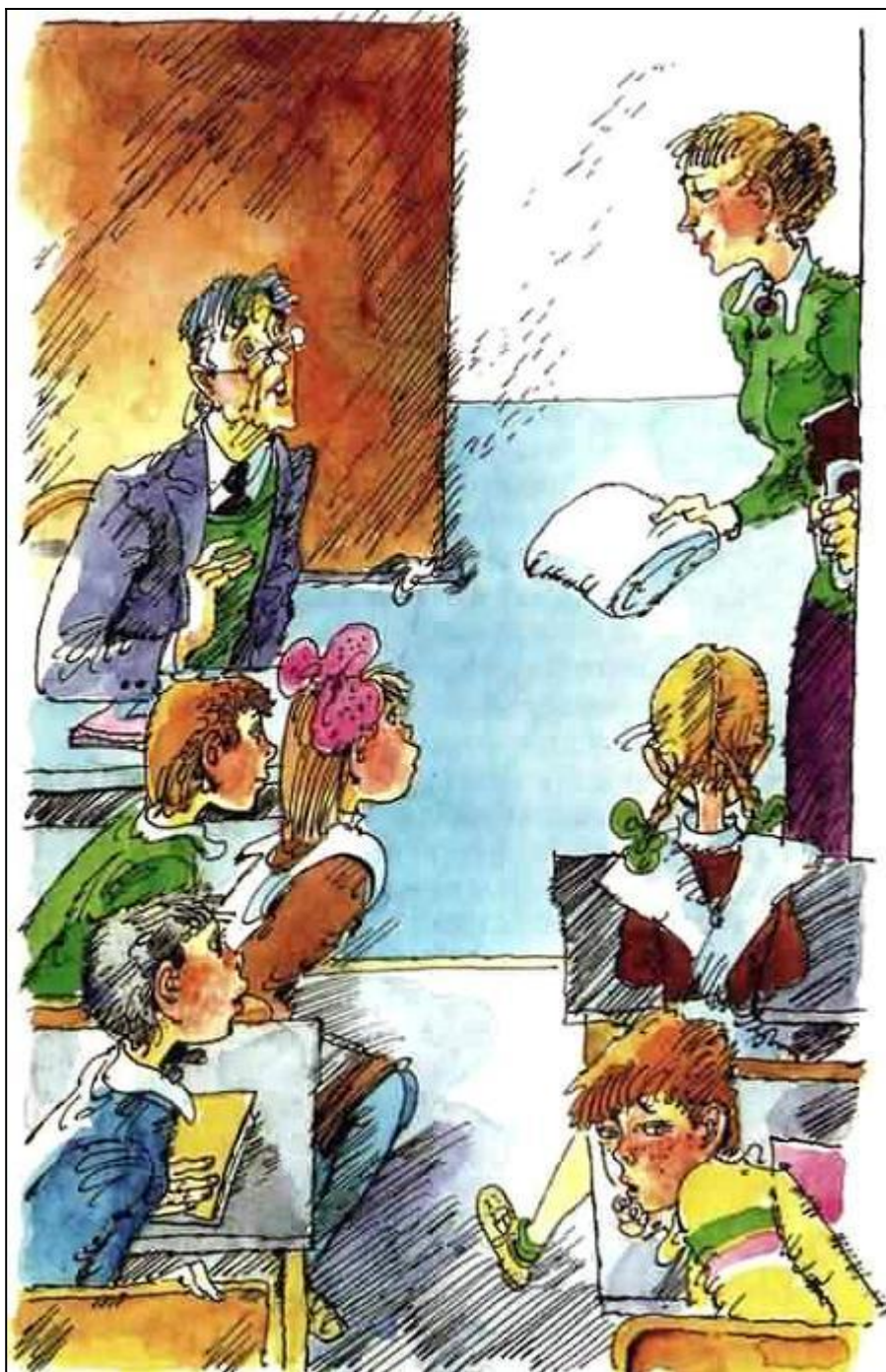
— Кроме имени и фамилии, никто вас больше спрашивать ни о чем не будет. Пока еще никто из вас почти ничего не знает. Для того вы и пришли в школу, чтобы учиться и все знать. Вот с сегодняшнего дня мы и начнем с вами учиться.

Тогда я смело назвал свою фамилию и свое имя.

Мне даже смешно стало, что я сначала боялся.

Алексей Иванович спросили. Когда-то была у Алеши двойка. По пению. А так больше не было двоек. Тройки были. Почти что все тройки были. Одна четверка была когда-то очень давно. А пятерок и вовсе не было. Ни одной пятерки в жизни не было у человека. Ну, не было так не было, ну что поделаешь! Бывает. Жил Алеша без пятерок. Рос. Из класса в класс переходил. Получал свои положенные тройки. Показывал всем четверку и говорил: — Вот, давно было.

И вдруг — пятерка! И главное, за что? За пение. Он получил эту пятерку совершенно случайно. Что-то такое удачно спел — и ему поставили пятерку. И даже еще устно похвалили. Сказали: «Молодец, Алеша!» Короче говоря, это было приятным событием, которое омрачалось одним обстоятельством: он никому не мог показывать эту пятерку. Поскольку ее вписали в журнал, а журнал, понятно, на руки ученикам, как правило, не выдается. А дневник свой он дома забыл. Раз так — значит, Алеша не

имеет возможности показывать всем свою пятерку. И поэтому вся радость омрачалась. А ему, понятно, хотелось всем показывать, тем более что явление это в его жизни, как вы поняли, редкое. Ему могут попросту не поверить без фактических данных. Если пятерка была бы в тетрадке, к примеру, за решенную дома задачу или же за диктант, тогда проще простого. То есть ходи с этой тетрадкой и всем показывай. Пока листы не начнут выскакивать.

На уроке арифметики у него созрел план: украсть журнал! Он украдет журнал, а утром его принесет обратно. За это время он может с этим журналом обойти всех знакомых и незнакомых. Короче говоря, он улучил момент и украл журнал на переменке. Он сунул журнал себе в сумку и сидит как ни в чем не бывало. Только сердце у него отчаянно стучит, что совершенно естественно, поскольку он совершил кражу. Когда учитель вернулся, он так удивился, что журнала нет на месте, что даже ничего не сказал, а стал вдруг какой-то задумчивый. Похоже было, что он сомневался — был журнал на столе или не был, с журналом он приходил или без. Он так и не спросил про журнал; мысль о том, что кто-то из учеников украл его, не пришла ему даже в голову. В его педагогической практике такого случая не было. И он, не дожидаясь звонка, тихо вышел, и видно

было, что он здорово расстроен своей забывчивостью.

А Алеша схватил свою сумку и помчался домой. В трамвае он вынул журнал из сумки, нашел там свою пятерку и долго глядел на нее. А когда он уже шел по улице, он вспомнил вдруг, что забыл журнал в трамвае. Когда он это вспомнил, то он прямо чуть не свалился от страха. Он даже сказал «ой!» или что-то в этом роде. Первая мысль, какая пришла ему в голову, — это бежать за трамваем. Но он быстро понял (он был все-таки сообразительный), что бежать за трамваем нет смысла, раз он уже уехал. Потом много других мыслей пришло ему в голову. Но это были все такие незначительные мысли, что о них и говорить не стоит.

У него даже такая мысль появилась: сесть на поезд и уехать на Север. И поступить там где-нибудь на работу. Почему именно на Север, он не знал, но собирался он именно туда. То есть он даже и не собирался. Он на миг об этом подумал, а потом вспомнил о маме, бабушке, своем отце и бросил эту затею. Потом он подумал, не пойти ли ему в бюро потерянных вещей: вполне возможно, что журнал там, но вдруг возникнет подозрение. Его наверняка задержат и привлекут к ответственности. А он не хотел привлекаться к ответственности, несмотря на то что этого заслуживал.

Он пришел домой и даже похудел за один вечер. А всю ночь не мог уснуть и к утру, наверное, еще больше похудел.

Во-первых, его мучила совесть. Весь класс остался без журнала. Пропали отметки всех друзей. Понятно его волнение. А во-вторых, пятерка. Одна за всю жизнь и та пропала. Нет, я понимаю его. Правда, мне не совсем понятен его отчаянный поступок, но переживания его мне совершенно понятны.

Итак, он пришел утром в школу. Волнуется. Нервничает. В горле комок. В глаза не смотрит.

Приходит учитель. Говорит:

— Ребята! Пропал журнал. Какая-то оказия. И куда он мог деться?

Алеша молчит.

Учитель говорит:

— Я вроде бы помню, что я приходил в класс с журналом. Даже видел его на столе. Но в то же время я в этом сомневаюсь. Не мог же я его потерять по дороге, хотя я очень хорошо помню, как взял его в учительской и нес по коридору.

Некоторые ребята говорят;

— Нет, мы помним, что журнал лежал на столе. Мы видели.

Учитель говорит:

— В таком случае, куда он делся?

Тут Алеша не выдержал. Он не мог больше сидеть и молчать. Он встал и говорит:

— Журнал, наверное, в камере потерянных вещей...

Учитель удивился и говорит:

— Где-где?

А в классе засмеялись.

Тогда Алеша, очень волнуясь, говорит:

— Нет, я правду говорю, он, наверно, в камере потерянных вещей... он не мог пропасть...

— В какой камере? — говорит учитель.

— Потерянных вещей, — говорит Алеша.

— Ничего не понимаю, — говорит учитель.

Тут Алеша вдруг почему-то испугался, что ему здорово влетит за это дело, если он сознается, и он говорит:

— Я просто хотел посоветовать...

Учитель посмотрел на него и печально так говорит:

— Не надо глупости говорить, слышишь?

В это время открывается дверь, и в класс входит какая-то женщина и в руке держит что-то завернутое в газету.

— Я кондуктор, — говорит она, — прошу прощения. У меня сегодня свободный день. И вот я нашла

вашу школу и класс, и в таком случае возьмите ваш журнал.

В классе сразу поднялся шум, а учитель говорит:

— Как так? Вот это номер! Каким образом наш классный журнал оказался у кондуктора? Нет, этого не может быть! Может быть, это не наш журнал?

Кондукторша лукаво улыбается и говорит:

— Нет, это ваш журнал.

Тогда учитель берет у кондуктора журнал и быстро листает.

— Да! Да! Да! — кричит он. — Это наш журнал! Я же помню, что нес его по коридору...

Кондукторша говорит:

— А потом забыли в трамвае?

Учитель смотрит на нее широко раскрытыми глазами. А она, широко улыбаясь, говорит:

— Ну, конечно, вы забыли его в трамвае.

Тогда учитель хватается за голову и говорит:

— Господи! Что-то со мной происходит. Как я мог забыть журнал в трамвае? Это ведь просто невысказано! Хотя я помню, что нес его по коридору... Может, мне уходить из школы? Я чувствую, мне все труднее становится преподавать...

Кондукторша прощается с классом, и весь класс ей кричит «спасибо», и она с улыбкой уходит.

На прощанье она говорит учителю:

— В другой раз будьте внимательней.

Учитель сидит за столом, обхватив свою голову руками, в очень мрачном настроении. Потом он, подперев руками щеки, сидит и смотрит в одну точку.

Тогда встает Алеша и срывающимся голосом говорит:

— Я украл журнал.

Но учитель молчит.

Тогда Алеша опять говорит:

— Это я украл журнал. Поймите...

Учитель вяло говорит:

— Да... да... я понимаю тебя... этот твой благородный поступок... но это делать ни к чему... ты мне хочешь помочь, я знаю, взять вину на себя... но зачем это делать, мой милый.

Алеша чуть не плача говорит:

— Нет, я вам правду говорю...

Учитель говорит:

— Вы смотрите, он еще настаивает... какой упорный мальчишка... нет, это удивительно благородный мальчишка... Я это ценю, милый, но... раз... такие вещи со мной случаются... нужно подумать об уходе... оставить на время преподавание...

Алеша говорит сквозь слезы:

— Я вам правду говорю...

Учитель резко встает со своего места, хлопает по столу кулаком и кричит хрипло:

— Не надо!

После этого он вытирает платком слезы и быстро уходит.

А как быть Алеше?

Он остается весь в слезах. Пробует объяснить классу, но ему никто не верит.

Он чувствует себя в сто раз хуже, чем если бы был жестоко наказан. Он не может ни есть, ни спать.

Он едет к учителю на дом. И все ему объясняет. И он убеждает учителя. Учитель гладит его по голове и говорит:

— Это значит, что ты еще не совсем потерянный человек и в тебе есть совесть.

И учитель провожает Алешу до угла.

Большущая труба валялась на дворе, и мы на нее с Вовкой сели. Мы посидели на этой трубе, а потом я сказал:

— Давай-ка в трубу полезем. В один конец влезем, а выйдем с другого. Кто быстрее вылезет.
Вовка сказал;
— А вдруг мы там задохнемся.
— В трубе два окошка, — сказал я, — как в комнате. Ты же в комнате дышишь?
Вовка сказал:
— Какая же это комната, раз это труба. — Он всегда спорит.
Я полез первым, а Вовка считал. Он досчитал до тринадцати, когда я вылез.
— А ну-ка я, — сказал Вовка.
Он полез в трубу, а я считал. Я досчитал до шестнадцати.
— Ты быстро считаешь, — сказал он, — а ну-ка еще!
И снова полез в трубу.
Я сосчитал до пятнадцати.
— Совсем там не душно, — сказал он, — там прохладно.
Потом к нам подошел Петька Ящиков.
— А мы, — говорю, — в трубу лазаем! Я на счете тринадцать вылез, а он на пятнадцати.
— А ну-ка я, — сказал Петя.
И он тоже полез в трубу.
Он вылез на восемнадцати.
Мы стали смеяться.
Он снова полез.
Вылез он очень потный.
— Ну как? — спросил он.
— Извини, — сказал я, — мы сейчас не считали.
— Что же, значит, я даром полз?
Он обиделся, но полез снова.
Я сосчитал до шестнадцати.
— Ну вот, — сказал он, — постепенно получится!
И он снова полез в трубу.
В этот раз он там долго ползал. Чуть не до двадцати. Он разозлился, хотел опять лезть, но я сказал:
— Дай другим ползть, — оттолкнул его и полез сам.
Я набил себе шишку и долго полз. Мне было очень больно. Я вылез на счете тридцать.
— Мы думали, что ты пропал, — сказал Петя.
Потом полез Вовка. Я уже до сорока сосчитал, а он все не вылезал. Гляжу в трубу — там темно. И другого конца не видно.
Вдруг он вылезает. С того конца, в который влез. Но вылез он головой вперед. А не ногами. Вот что нас удивило!
— Ух, — говорит Вовка, — чуть не застрял...
— Как это ты повернулся там?
— С трудом, — говорит Вовка, — чуть не застрял...
Мы здорово удивились.
Тут подошел Мишка Меньшиков.
— Чем вы тут, — говорит, — занимаетесь?
— Да вот, — говорю, — в трубу лазаем. Хочешь ползть?
— Нет, — говорит, — не хочу. Зачем мне туда лазать?
— А мы, — говорю, — туда лазаем.
— Это видно, — говорит он.
— Чего видно?
— Что вы туда лазали.
Глядим друг на друга. И вправду видно. Мы все как есть в красной ржавчине. Все как будто

заржавели. Просто жуть!

— Ну, я пошел, — говорит Мишка Меньшиков.

И он пошел.

А мы больше в трубу не полезли. Хотя мы уже все ржавые были. Нам все равно уже было. Лезть можно было. Но мы все равно не полезли. Когда моя мама куда-нибудь отлучается, Вовка приходит ко мне, а когда его мама куда-нибудь отлучается, я к нему прихожу. И мы что-нибудь делаем.

Один раз мы с ним сидим, в окно смотрим, а за окном дождь идет.

Я говорю:

— Давай что-нибудь делать.

А Вовка говорит:

— Чего?

— Не знаю.

— И я не знаю.

Мы посидели, подумали, посмотрели, как дождь идет, как люди ходят под дождем, но ничего не придумали.

Очень сложно что-нибудь делать, когда делать нечего.

Вдруг я как заорю:

— Придумал!

— Чего придумал? — спрашивает Вовка.

— Давай шапки стирать!

— Какие шапки?

Я весь шкаф перерыл, пока шапку нашел. А Вовка смотрел и все спрашивал: «Ты умеешь стирать? Ты умеешь стирать?»

— Да чего тут уметь, — говорю. — Гляди! меховая, лохматая! Кое-где, правда, потерлась. Вокруг головы. А так почти новая шапка. Только сзади прореха. И спереди. И дыра сбоку. Не так чтоб большая дыра. Но заметно.

Когда очень близкоходишь. А издалека не видно. Хоть целый день смотри. Скоро лето. Потом будет осень. А после зима. Постираем мы наши шапки. Зима подойдет. И мы будем ходить в чистых шапках!

— У меня ведь с собой нет шапки, — говорит Вовка.

— А это что?

— Это фуражка.

— Сначала мою, — говорю, — постираем, а потом твою постираем.

— Зачем мою стирать? Мою не надо стирать, — говорит Вовка.

— Совершенно грязная шапка, — говорю. — Противно смотреть! На твоём месте я постыдился бы появляться в обществе в такой шапке.

— Я ни в каком обществе не появляюсь, — говорит Вовка.

— А на улице, по-твоему, удобно появляться?

— Ну ладно, — говорит Вовка, — твою постираем, а потом мою постираем.

Положил я шапку в корыто. Воды налил. Засучил рукава. Стал мылить шапку.

Вовка мне помогал. Мы ее по очереди мылили до тех пор, пока мыло все не измылилось.

Дальше стали ее полоскать. Мы полоскали ее, полоскали, а потом из корыта вынули и стали ее мыть под краном. Чтоб все мыло из шапки вышло. В корыте вода и так мыльная. Все мыло обратно в шапку лезет.

Мы ее под краном, наверно, целый час мыли. Ухо одно оторвали. Кое-где мех общипали. И дыру сбоку расширили. А так здорово вымыли. Вся как есть чистая стала. Оставалось только сушить.

Вдруг Вовка мне говорит:

— Она, когда высохнет, на голову не полезет.

Я здорово испугался, что она потом не полезет на мою голову, и говорю:

— Что же ты раньше мне не сказал?

— Я только сейчас вспомнил.

— Почему же ты раньше не вспомнил?

— Не мог. Это не от меня зависит.

— А от кого же это зависит?

— От памяти.

— Ну и память у тебя!

— Память у меня неважная, это верно, — говорит он.

Вот что значит память! Разве я бы стирал свою шапку, знай, что так все получится? А он все знал и забыл. Остается надеть шапку мокрой. Пусть сохнет на голове.

Мы с Вовкой выжали шапку как следует, я надел ее, и мы пошли играть в шашки. Хотя мы выжимали шапку вовсю, воды в ней осталось много.

Вода текла по лицу и за шиворот. Но я терпел. Другие люди в более тяжелые условия попадают. И ничего. Выдерживают.

Я спокойно играл с Вовкой в шашки, а шапку свою не снимал. Мы сыграли с ним несколько партий. Иногда я мотал головой, и брызги летели во все стороны. Подкладка линяла, и брызги были чернильные. Вовка ежился и ругался. Вдруг мне пришла в голову мысль такая: «А вдруг, когда она высохнет, с головы не слезет?» Я даже вертеть головой перестал. Хотел Вовку спросить об этом, но мне как-то неудобно стало обо всем его спрашивать, как будто я сам ничего не знаю. Как будто он в жизни больше меня понимает. И я молча сидел и думал. Я думал о многом: о том, сколько времени будет сохнуть моя шапка, о том, как я буду спать в этой шапке, поскольку она сегодня не высохнет, о том, стирают ли шапки вообще, и если стирают, то неужели вот так сидят в мокрых шапках и ждут, когда они высохнут? Я вспоминал все шапки, какие мне приходилось видеть, представил многих людей в моем положении и почему-то стал сомневаться в том, что шапки вообще кто-нибудь стирает и сушит их таким образом. Я, например, вспомнил шапку папиного знакомого, директора театра, маминого знакомого, ученого... Или, может быть, есть особенные приспособления, этакие болванки, куда натягивают мокрую шапку и сушат ее, может быть, посредством какой-нибудь электрической сушилки. Я представил себе целый ряд этих болванок, на которых торчат различные шапки, и мне стало очень тоскливо, будто я какая-нибудь болванка, а не Петя Ящиков, ученик первого класса...

— Ну как, — спросил Вовка, — сохнет?

— Неважно, — говорю, — сохнет.

— И чего, — говорит, — тебе в голову пришло эту шапку стирать?

— А тебе чего-нибудь в голову пришло? — говорю.

— Мне ничего не пришло, — говорит Вовка.

— Тогда нечего на других говорить, раз самому ничего в голову не пришло.
Вдруг я вспомнил про Вовкину шапку.
Я встал и оказал:
— Вот что, Вовка, давай твою шапку стирать.
— Ну нет, — говорит Вовка, — я свою шапку стирать не буду.
— Как это так не будешь?
— Моя шапка, — говорит Вовка, — хочу, стираю, хочу, не стираю.
Я разозлился и говорю:
— Я свою шапку стирал?
— Стирал, — говорит Вовка.
— И ты свою тоже стирай!
— Нет, — говорит Вовка, — я свою шапку стирать не буду. Мало ли что я хотел! Сейчас совсем другая ситуация.
— Какая это еще другая ситуация? Ишь ты какой! При одной ситуации хочешь стирать, а при другой не хочешь? А я, по-твоему, при всех ситуациях должен стирать?
Схватил я его и держу.
— Стирай, — говорю, — свою шапку!
А он вырывается и орет:
— Не буду! Не буду!
Тогда я его отпустил и говорю:
— Это просто нечестно. Не по-товарищески.
А он надевает свою нестираную шапку и уходит. И на прощание говорит:
— Ты был мой лучший друг. Мне с тобой не хотелось бы ссориться. Но раз так — я уйду. До свидания, Петя!
И он уходит. И даже хлопает дверью.
А я остаюсь сидеть. В своей мокрой шапке.
Ну, разве это товарищ? Какой же это товарищ! Нет, это не по-товарищески.

Оригинальные мы смастерили костюмы — ни у кого таких не будет! Я буду лошадь, а Вовка рыцарем. Только плохо, что он должен ездить на мне, а не я на нем. И все потому, что я чуть младше. Видите, что получается! Но ничего не поделаешь. Мы, правда, с ним договорились: он не будет на мне все время ездить. Он немножко на мне поедит, а потом слезет и будет меня за собой водить, как лошадей за уздечку водят.

И мы отправились на карнавал.

Пришли в клуб в обычных костюмах, а потом переоделись и вышли в зал. То есть мы въехали. Я полз на четвереньках. А Вовка сидел на моей спине. Правда, Вовка мне помогал — по полу перебирал ногами. Но все равно мне было нелегко.

К тому же я ничего не видел. Я был в лошадиной маске. Я ничего совершенно не видел, хотя в маске и были дырки для глаз. Но они были где-то на лбу.

Я полз в темноте. Наткнулся на чьи-то ноги. Раза два налетал на колонну. Да что и говорить! Иногда я встряхивал головой, тогда маска съезжала, и я видел свет. Но на какой-то миг. А потом снова сплошная темень. Ведь не мог я все время трясти головой!

Я хоть на миг видел свет. Зато Вовка совсем ничего не видел. И все меня спрашивал, что впереди. И просил ползти осторожнее. Я и так полз осторожно. Сам-то я ничего не видел. Откуда я мог видеть, что там впереди. Кто-то ногой наступил мне на руку. Я сейчас же остановился. И отказался дальше ползти. Я сказал Вовке:

— Хватит. Слезай.

Вовке, наверное, понравилось ездить, и он не хотел слезать. Говорил, что еще рано. Но все же он слез, взял меня за уздечку, и я пополз дальше. Теперь мне уже было легче ползти, хотя я все равно ничего не видел.

Я предложил снять маски и взглянуть на карнавал, а потом надеть маски снова. Но Вовка сказал:

— Тогда нас узнают.

Я вздохнул и пополз дальше.

— Наверное, весело здесь, — сказал я. — Только мы ничего не видим...

Но Вовка шел молча. Он твердо решил терпеть до конца. Получить первую премию.

Мне стало больно коленкам. Я сказал:

— Я сейчас сяду на пол.

— Разве лошади могут сидеть? — сказал Вовка. — Ты с ума сошел! Ты же лошадь!

— Я не лошадь, — сказал я. — Ты сам лошадь.

— Нет, ты лошадь, — ответил Вовка. — И ты знаешь прекрасно, что ты лошадь. Мы не получим премии!

— Ну и пусть, — сказал я. — Мне надоело.

— Не делай глупостей, — сказал Вовка. — Потерпи.

Я подполз к стене, прислонился к ней и сел на пол.

— Ты сидишь? — спросил Вовка.

— Сажу, — сказал я.

— Ну ладно уж, — согласился Вовка. — На полу еще можно сидеть. Только смотри, не сядь на стул. Тогда все пропало. Ты понял? Лошадь — и вдруг на стуле!..

Кругом гремела музыка, смеялись.

Я спросил:

— Скоро кончится?

— Потерпи, — сказал Вовка, — наверное, скоро...

Вовка тоже не выдержал. Сел на диван. Я сел рядом с ним. Потом Вовка заснул на диване. И я заснул тоже.

Потом нас разбудили и дали нам премию. Собирать, конечно, всё можно. Что хочешь, то и собирай. Хочешь, сначала собирай — потом не собирай. Хочешь, марки собирай, хочешь — спичечные коробки, хочешь — камни. Хочешь, собирай всё вместе: камни, марки, коробки и ещё что-нибудь в придачу. Это, как говорится, дело личное. Натаскай себе разных булыжников в комнату и живи в своё удовольствие! Если только мама позволит. Хотя камни бывают разные. Некоторые камни полезно собирать. Марки тоже полезны. Знакомишься с разными странами, королями, президентами; сталкиваешься, если можно так выразиться, с историей, географией. Полезно собирать книги. Про книги и говорить нечего. Тут пользы — масса. Опять-таки если читать их. А если так, на полке стоят, пользы тоже немного.

Одна девочка, Маша Мишкина, собирала фотографии артистов. Ничего в этом плохого, безусловно, нету. Но говорить о пользе тут тоже трудно. Ну какая тут может быть польза? Разве только сказать при случае: «А как же! Я этого артиста знаю. У меня есть его фотография». На это можно ответить: «Ну и что же?» На свете есть куда более полезные вещи, чем эти фотографии.

И вот эта девочка Маша насобирали ужасно много фотографий артистов. Собирать уже вроде некуда — стены все в фотографиях, альбомы полные. Родители смотрят на это безобидное занятие и про себя думают: «Ну и слава Богу, наша дочка занята делом». (Хотя никакого дела здесь, безусловно, нет.) Только иногда отец скажет: «Опять вокруг какие-то незнакомые лица». На это дочка ему отвечала: «Эх ты, папа! Как же ты их не знаешь?! Их каждый знает!» И отец даже немного конфузился после такого ответа.

Он был занятой человек, директор какого-то крупного учреждения, и его не очень-то радовали эти фотографии. Поскольку они ему ни о чём не говорили. Но против он тоже не был. Он просто был безразличен. Только когда он уставал, эти фотографии его раздражали. Но это бывало редко. В основном он был крепкий человек и почти не знал усталости. А Машина мама — наоборот, она даже радовалась, что у её дочки столько фотографий, гораздо больше, чем у других детей. А Маша видит такое дело — всю жизнь старается. Большого успеха она достигла, меняя одни фото на другие. К примеру: «Вот вам такой артист, а вы мне дайте такого». Или: «Я вам двух этих, а вы мне

двух тех». Она не очень-то хорошо знала фамилии артистов. Одних она, правда, видела в кино, а других и вовсе нигде не видела, но если ей говорили, что это именно артист, а не какая-нибудь другая личность, она моментально загоралась приобрести эту фотографию. Один мальчишка предложил ей несколько карточек своих старших братьев, уверяя её, что это артисты. И она за эти фотографии отдала ему несколько книг, в том числе «Моби Дик, или Поиски белого кита» и «Дикая собака Динго, или Повесть о первой любви». Она методично писала письма в различные советские и иностранные журналы с просьбой выслать ей фотографии артистов. Хотя каждому ясно, что журналы существуют не для этого. Своими письмами она отвлекала людей от работы, занимала их золотое время. Получая такое пустячное письмо, работник издательства разводил руками и, наверное, возмущался.

Несмотря на то что ни один журнал ей ничего не прислал, она насобирала столько этих фото, что можно удивляться. В итоге у неё появилось по несколько одинаковых артистов: шесть одних, пятнадцать других, двадцать пять третьих. Это уж вроде совсем ни к чему. Но она не останавливалась. В любом деле трудно остановиться, если оно тебя захватывает. Хотя каждому ясно, что эта меняловка бессмысленна. А она за одной какой-то фотографией обегала весь город и даже собиралась просить отца, чтобы он взял её с собой в Москву, когда поедет в командировку. Отец как-то невнимательно отнёсся к этой просьбе, и она, может быть, именно из-за этой фотографии осталась на второй год. Она потратила уйму времени, чтобы достать её в своём родном городе. Для родителей это было полной неожиданностью, но они пока не понимали причины. Вскоре и родители увидели некоторую неприятную сторону этой коллекции. Самые любимые и ценные семейные фотографии: отец с матерью на фоне орла в Ессентуках, мать по горло в воде в Японском море, отец на лошади с шашкой в период гражданской войны, дед с Георгиевским крестом, бабка с девятью детьми — все эти редчайшие семейные фотографии были выкинуты из альбома и неизвестно куда делись. На их месте появились совсем не знакомые отцу люди. У родителей даже слёзы появились на глазах. И они прямо спросили её, куда она дела семейные фотографии. А Маша, не понимая их расстройств, говорит: «Неужели вы не видите, что эти снимки гораздо ценнее ваших?» Тогда рассерженный отец хватается у неё этот альбом и кидает его в форточку. Во время полёта десятки фотографий выскакивают из альбома и летят по воздуху, кружась и перевёртываясь. Потом альбом приземляется во дворе, а за ним многочисленные фото. Маша всё это видит, и сердце у неё захватывает от такой ужасающей картины. Отец говорит ей: «Чтобы больше я не видел у себя этих незнакомых лиц!» Маша в слезах бежит во двор, но альбома там не находит. Только одна карточка не очень популярного артиста валялась на песке. А когда она возвратилась, рассерженный отец посрывает со стен ещё несколько фотографий.

Но, как ни странно, это на неё не подействовало. Она не собиралась расставаться со своей коллекцией. Она продолжала её пополнять с ещё большим рвением.

Альбомы с фотографиями и солидные пачки, перевязанные бечёвкой, она прятала в какие-то тайники, которые ни одна живая душа не могла бы найти, не говоря уже о родителях. Когда родители уходили, она бросалась к своим тайникам и пересчитывала, перекладывала свою ценность. Дел у неё по горло было, как видите. Отдохнуть ей было некогда. Всё время она узнавала, что существуют какие-то фото, которых она не имеет. Никакого конца видно не было. Хлопот у неё не убавилось, а, наоборот, как бы это сказать, прибавилось.

У неё вся жизнь как-то боком пошла. В кино она не ходила. В Театр юного зрителя не ходила. В зверинец не ходила. В музеи не ходила. Никуда она не ходила. На футбол и подавно не ходила. В школу тоже почти не ходила. Иногда появлялась, правда, но очень редко.

Её взгляд устремлён был вдаль — пустой, странный взгляд. Там, вдали, ей, наверное, чудились какие-нибудь редкие фотографии артистов, которые она не успела приобрести...

Мы не знаем, чем всё это кончилось. Может быть, она приобрела ещё несколько экземпляров для своей коллекции...

Но потеряла она гораздо больше.

— Ты опять на мороз выбегаешь без шапки?

— Ну и что же? — говорит Ника.

— Ты опять болтал на уроках?

— Ну и что же? — говорит Ника.

— Ты опять твердишь «ну и что же»?

— Ну и что же? — говорит Ника.

Прямо сладу с ним нет!

Вот однажды Ника лег спать, и ему приснилось: идет он по дорожке. Навстречу ослик бежит.

— Кря-кря, — сказал ослик.

— Не кря-кря, а и-а, — сказал Ника.

— Ну и что же? — сказал ослик.

Удивился Ника и дальше пошел.

Навстречу курица скачет.

— Ау! — сказала курица.

— Не ау, а куд-кудах, — сказал Ника.

— Ну и что же? — сказала курица.

Удивился Ника и дальше пошел.

Навстречу верблюдов бежит.

— Мяу-мяу! — сказал верблюд.

— Не мяу, а по-другому, — сказал Ника.

— Ну и что же? — сказал верблюд.

— Опять «ну и что же»?! — крикнул Ника.

И проснулся. Сел на кровати, думает: «Как хорошо, что это сон».

С тех пор он не говорит «ну и что же».

Шел Ника в школу, остановился. Стал в небо смотреть, на облака. Даже рот раскрыл, до того засмотрелся.

Плывут облака по небу. Вон одно облако — как петух. Вон другое — похоже на зайца. Третье — белый медведь бежит.

«Чудеса какие! — думает Ника. — Забавно как получается: по небу звери и птицы плывут!»

Спешат мимо ребята в школу. Только Ника пока не торопится.

Он слегка недоволен небом. Одни только звери плывут по нему.

Вот если бы паровозик проплыл! Хорошо бы с вагончиками. Без вагончиков тоже неплохо.

Но с вагончиками все же лучше.

Ждет Ника паровозик.

А его нет.

А Ника ждет.

А паровозик все не появляется.

Может, еще появится?

Ника был вовсе не маленький мальчик. Он даже в школу ходил. Знал почти все буквы. Наверняка он не маленький был, а большой.

Но... Он не мог сам одеваться. Его одевали папа с мамой. Папа с мамой его оденут, и он идёт в школу, так, словно он сам оделся. А раздеваться он почему-то мог. Это он умел делать вполне. У него получалось это.

Папа с мамой, бывало, ему говорят:

— Ведь ты сам разделся. Теперь сам попробуй одеться. Точно так же, как раздевался. А он машет руками, ногами стучит. Согласиться не хочет. И зря... Вот что вышло.

Был урок физкультуры. Наш Ника разделся со всеми. Побегал, попрыгал. Потом урок кончился, все оделись.

А Ника не знает, что делать. Он сам ведь не может одеться. Его должны мама с папой одеть. А их нету. Они дома. Как же они его оденут?

Держит Ника под мышкой штаны и рубашку.

И ждёт чего-то. Но ждать-то нечего. Кого ждать?

Пришлось ему самому одеться. Он надел туфли не на ту ногу.

Задом наперед рубашку. А штаны так и не смог надеть.

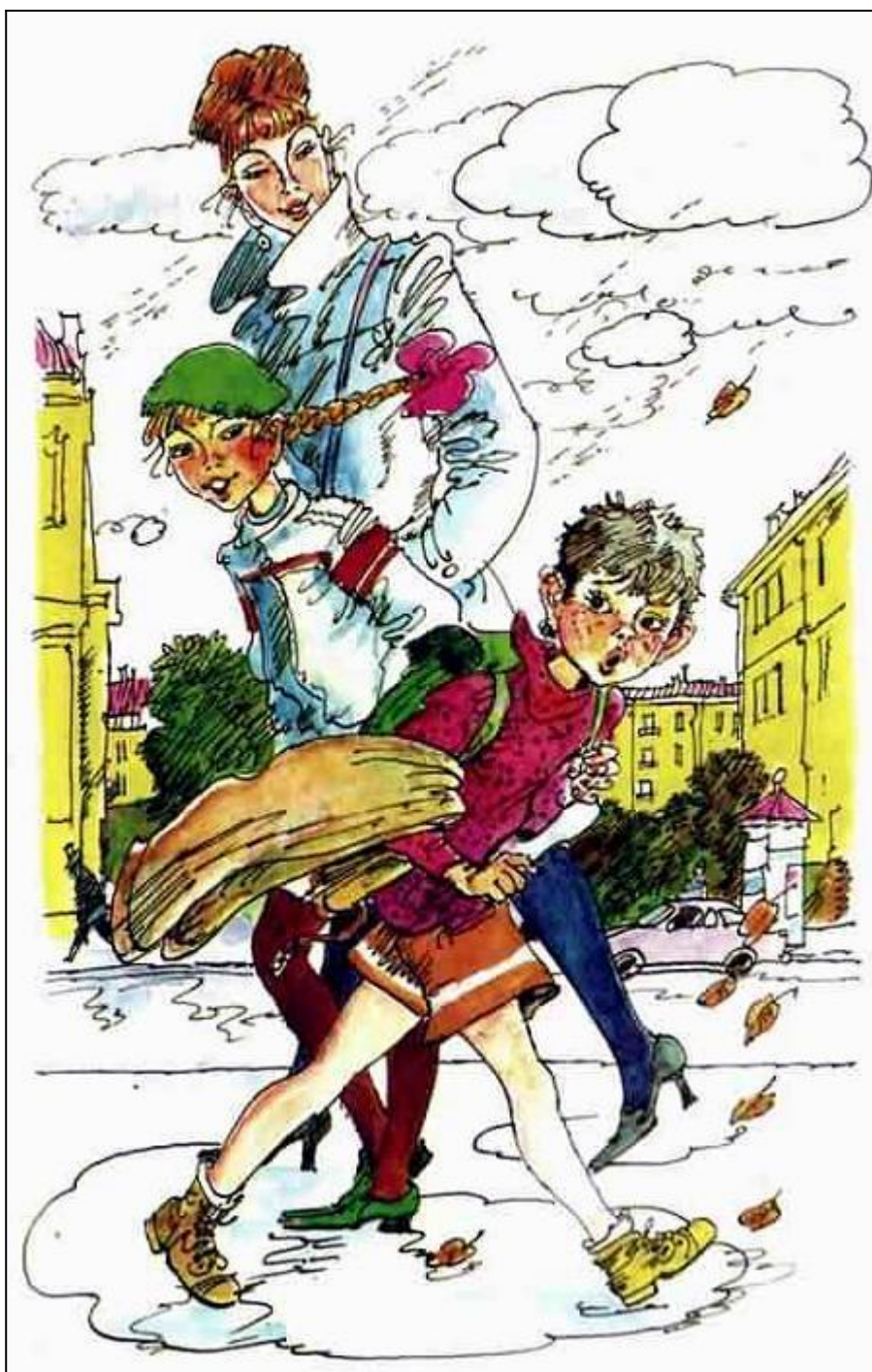
Так и пошел домой в трусиках. Со штанами в руках.

Хорошо ещё была осень.

А если бы вдруг зима была?

Самому надо делать все с самого детства.

И всё тогда будет прекрасно!

Отец искал красный карандаш и не мог найти, а ему надо было что-то подчёркивать.

Он искал по всей квартире и непрерывно спрашивал мать, не видела ли она.

— Я видела, Миша играл твоим карандашом. Ну, что молчишь? — сказала мне мама. — Где карандаш? Давай сюда. Давай, давай, видишь, он нужен отцу, он ведь ищет!

— Нету! — сказал я.

— Где же?

— Съел.

— Ах, он его проглотил! Так я и знала: он что-нибудь проглотит! У меня давно было нехорошее предчувствие.

Мама завопила на весь дом, и к нам сбежались соседи — никогда у нас дома столько народу не было. Они узнали, в чём дело, и по очереди стали смотреть мне в рот.

— Я совершенно ничего там не вижу, — сказал один сосед.

— Нужно сделать рентген. И тогда станет ясно. А пока пусть гуляет, — сказал другой сосед.

Мама спросила:

— Не опасно гулять с цветным карандашом в животе?

— Конечно нет. Он ведь не взорвётся. Если я как врач что-нибудь понимаю в цветных карандашах.

— И он подмигнул мне. Я почувствовал в подмигивании что-то особенное. Оно мне понравилось, и сразу захотелось, чтобы он ещё раз мне подмигнул. Я специально стал смотреть ему прямо в глаза.

— Врачи иногда ошибаются. Тут очень странный случай. И может быть, сложный. Нужно как следует подумать, прежде чем посылать его гулять.

Соседи думали. Врач загадочно улыбался. Я неотступно стоял перед ним. Ему стало не по себе, он отошёл в сторону. Я кинулся за ним следом, обогнал, стал напротив и гляжу прямо в глаза.

Одна молодая мать сказала:

— Мой ребёнок никогда ничего не глотал, а тем более карандаши. Я не знаю, что сказать в таком случае.

Старик сказал:

— Однажды я проглотил красное стекло. Я тогда чуть не умер. Но ничего, пронесло. И сейчас я, как видите...

Моя мама опять завопила:

— Боже мой, весь целиком длинный карандаш! И он был красного цвета!.. Что теперь с ним будет?

Маленькая девочка сказала:

— Нужно пощупать его живот. Если карандаш весь целиком — он ведь длинный, — его можно пощупать.

Соседи окружили меня, а врач в это время незаметно вышел. Они стали мять мне живот, как тесто. Я испугался и заорал.

Девочка сказала:

— Да, точно, он в животе! Если бы его там не было, он не стал бы так орать.

Напуганный, я залез под рояль. Оттуда смотрел за остальными. Все вокруг стали спорить. Никогда у нас так не галдели.

Мне было тогда года три или два.

«Неужели они хотят вытащить у меня цветной карандаш?»

Я уже верил, будто вправду его проглотил. И мне было так интересно, и я ни за что не хотел бы отдать его никому другому.

Потом их что-то отвлекло, все успокоились, соседи начали расходиться. Родители занялись другими делами, про меня забыли, и я вылез из-под рояля.

Я нашёл отцовский пиджак, вынул у него из кармана коробку с цветными карандашами и открыл её: красный карандаш, он был всех короче, почти на три четверти отточен, лежал там вместе с другими — маленький красный карандашик.

Я спрятал коробку как можно дальше, чтобы думали, будто я все карандаши проглотил вместе с коробкой — ещё интереснее!

Но всё как-то прошло незаметно.

Так никто и не может найти эту коробку с цветными карандашами. Наверно, она лежит там до сих пор.

Я ведь не помню, куда я её тогда спрятал.

Но ни за что не хочу забыть случай с красным карандашом, потому что он был самым первым, как я себя помню. Была война. Мы жили в далёком южном городе. Отец был на фронте. Мама работала на фабрике, и я иногда после школы навещал её. У нас кончались занятия, на фабрике начинался

перерыв. Я всегда спешил к обеду.

В этот день я налетел на директора фабрики, он видел меня частенько, я хотел проскочить, но он вдруг спросил:

— Постой-ка, в школе ты хорошо учишься?

— Хорошо. — Я всегда хорошо учился.

— А сколько тебе лет? — спросил он.

— Пятнадцать.

Это была неправда, мне было двенадцать. Хотелось на войну. И я врал. Всем. Всегда. Я знал, что и пятнадцать маловато. Но... врать — меру знать. Война-то идёт...

— Почему бы тебе не работать у нас курьером? — спросил директор. — Если это, разумеется, не отразится на учёбе. Ведь ты старший в семье?

— Почему бы мне не работать, говорите? — Я обрадовался. — Конечно, я самый старший и никогда не устаю!

— Поработаешь пару часиков, — сказал он, — учёбе это не повредит, надеюсь.

— Я старший, — сказал я, — не повредит.

— Отлично, — сказал он, — разнесёшь нашу почту, будет тебе жалованье, как положено.

— Да я только и мечтал о жалованье! Если вы меня возьмёте на работу, — сказал я, — я буду работать не покладая рук.

— Не покладая ног, — сказал он.

— Когда начинать?

— С завтрашнего дня, — сказал директор. — Начинать работать с завтрашнего дня не покладая ног.

Теперь мне некогда будет сбивать палкой тутовые ягоды с дерева; некогда будет заниматься пустяками, теперь мне всё время будет некогда. Курьер — занятой человек, доверенное лицо, работает не покладая ног!

Он похлопал меня по плечу. От радости я бы тоже его похлопал, но неудобно курьеру хлопать по плечу директора.

На другой день я носился как сумасшедший со своей сумкой по разным учреждениям, просил расписаться, получал ответные письма и был горд. Я был счастлив. Помощник в семье!

— Посиди немножко, — сказала секретарь директора, — бумаги не готовы, подожди.

— Понимаете, мне трудно ждать. Я уже заведён и не могу остановиться, — сказал я ей доверительно. — Чтоб веселей было, понимаете, я завожу как бы вроде моторчик и мчусь по улице то на мотоцикле или на машине, а иногда на самолёте для разнообразия. Мне всегда весело и легко разносить вашу почту и даже интересно.

Она меня не поняла. Очень уж была задумчива. Рассеянно спросила:

— Свой мотоцикл? Надо же!..

— Да нету у меня никакого мотоцикла, как вы не поймёте, ради интереса завожу моторчик... и несусь.

— Какой моторчик?

— Никакой.

— Ах вот оно что, ловко придумано, — она глубоко вздохнула, — пожалуй, у меня так не получится...

— Ну что-нибудь другое получится, вы только понарошке для себя придумайте, и больше ничего.

— Нет, мне невозможно представить, — сказала она задумчиво, — что вот этот стол куда-нибудь мчится... трудно мне в это поверить... Однообразная работа утомляет...

— Наверняка вам тоже можно что-нибудь придумать, — сказал я, — сейчас я для вас что-нибудь придумаю... сейчас соображу.

Я прикусил язык и стал думать.

— А знаете что, — сказал я, — почему бы вам, например, не представить, что вы... нет, это вам не подойдёт, так сразу у меня не выходит...

— Ну вот видишь.

— Но я непременно что-нибудь придумаю, вы только не спешите.

Она оторвалась от почты и стала на меня смотреть с ожиданием. С интересом.

— Но, по-моему, тут придумать ничего невозможно. А что, ты сказал, для меня не подойдёт?

— Я подумал, может быть, вам... петь во время работы? В классе у одной девчонки есть тетрадка песен. Вы бы себе эти песни переписали...

— Нет, это мне действительно не подойдёт.

— Просто я подумал, почему бы вам потихоньку не напевать разные песни, это вашей работе не помешает... Девчонка та, у которой тетрадка, всё время в классе поёт, только тихо, и это ей здорово вредит в учёбе.

— Ну вот видишь, — сказала секретарь.

Вдруг мне в голову ударила неожиданная мысль:

— А что, если вам делать вид, будто вы влюблены в своего директора? В такого директора стоит влюбиться! Он такой молодой, да и вы... Он меня на работу устроил.

— Делать вид?

— А что вам стоит? Будто вы в него влюблены, только и ждёте, когда он появится, понимаете? Вам станет интересно сидеть за своим столом. И ждать, когда он появится.

— А ты откуда знаешь?

— Когда эта девчонка с тетрадкой появляется, у меня весело на душе становится, вот и всё. А директор при чём?

— Я не знаю...

— А если я в него действительно влюблена? Как это тебе в голову пришло?

— Я о вас думал. Мне хотелось, чтобы вам было интересно сидеть за вашим столом.

— Но он-то в меня не влюблён.

— Я не знал...

Она приложила палец к губам и сказала:

— Оно ведь так и есть. Я влюблена. Но никому об этом говорить не полагается. Никто не должен знать. Ловко тебе удалось вывести меня на откровение!

— Да я и не думал вас выводить.

— Однако вывел. Но тогда молчи. Так вот от этого мне совсем не легче сидеть за этим столом...

Она влюблена в своего директора, а он её не любит? Ведь он не женат! Я знаю. Все знают. Да что это такое! Как же так?! Такая красивая. Я бы в неё влюбился не раздумывая.

Я не знал, что сказать.

— Ну вот видишь, — сказала она.

— Не поверю, — сказал я. — Он помог нашей семье, устроил меня на работу...

— Если он устроил тебя на работу, вовсе не значит, что он должен меня любить.

Я начал укладывать почту. Она вдруг сказала:

— Принеси-ка мне всё-таки ту тетрадку.

— Какую? — Я уже забыл.

— Ну, той девчонки. Если она, конечно, согласится...

— Да она мне всё отдать готова. Да и потом учительница, в конце концов, всё равно у неё отнимет. Ведь она ей в учёбе вредит, я же объяснял.

И я помчался «своим транспортом» работать.

Через несколько дней я встретил директора, и на этот раз он не остановил меня. Но я его остановил.

— В чём дело? Устаёшь? Работой недоволен? — спросил он.

— Да нет, — сказал я.

— Ну?

— Нет, я доволен. Но не совсем...

Он, наверно, решил, что мне мало денег платят.

— Не стесняйся, говори. Никогда не стесняйся, если чем-нибудь недоволен.

— А вы не обидитесь?

— С какой стати я должен обижаться?

Тогда я смело сказал:

— Вы знаете Нину Павловну?

— Что за вопрос!

— Так вот если вы её хорошо знаете... — И тут я моргнул ему. Взял и моргнул нечаянно. И молчал. Пусть сам поймёт. Вот и всё.

Но он ничего не понял.

Я ещё моргнул. Левым глазом я здорово моргаю. А правым не получается.

Он опять не понял.

— Ты всё моргаешь, — говорит мне. — У тебя неплохо получается. А ну ещё моргни! — Тут он обнял меня и говорит: — Я, брат, на войну ухожу. Пришло моё время сражаться. Будет у вас новый директор. Кстати, женщина. Ну, давай руку, вот так. Прощай!

И он пошёл. Больше я его не видел.

Идя к секретарю, я рассчитывал увидеть её всю в слезах. По лицу я заметил, что слёзы были, когда меня не было. Но сейчас лицо уже отключилось, стало каменное. И всё.

Война шла долго...

В нашем южном городе никогда прежде не шёл снег. Но вдруг повалил. Мне было три года, я побежал к отцу и закричал:

— Снег идёт!

— Откуда ты узнал, что это снег? — удивился отец.

— А что же это? — говорю.

— Это снег, всё верно. Но откуда ты узнал об этом?

— О чём узнал? — не понял я.

— Ну что это именно СНЕГ, а не что иное?

— Но это ведь снег! Он пошёл, и я в окно увидел.

— Ты раньше его видел?

— Нет.

— Раз ты не видел его никогда, как же ты узнал, что это СНЕГ называется?

— А разве он не так называется?

— Но ты откуда это узнал? Раньше ведь ты его не видел. Каким образом пришло тебе в голову, что это СНЕГ?

— Это может быть только СНЕГ, а не что другое, — сказал я.

— Откуда ты это взял?

— Я утром проснулся, а мама сказала: «Смотри, снег пошёл!» Я закричал: «Снег идёт!»

— Почему меня об этом не предупредили? — сказал отец.

— О чём?

— О чём, о чём... Если снег пошёл без предупреждения, то хотя бы раньше сказали, что снег идёт... Вечно меня опережают. Мне бы хотелось первым сказать тебе о снеге. Я ведь родом из тех краёв, где зимой полно снегу. Но я очень давно там не был и давно не видел снега. Почему мне сразу не сказали об этом? И вечно меня опережают...

Он в окно любовался снегом.

А снег шёл и шёл...

Он спросил меня:

— Что волны делают?

Я понятия не имею, что они делают. Так ему и ответил. А он:

— Бегут они, или как?

— Что ты пристал, — говорю, — с ерундой какой-то? Наверное, они бегут...

- Да нет, — говорит, — это лошади бегут, а не волны.
- Постой, постой, — говорю, — как в песне поётся: «...а волны бегут и бегут за кормой...» Что против песни скажешь?
- Ну ладно, — говорит, — предположим. А ещё что они делают?
- Плывут, — говорю. — Ещё скачут...
- Плавают, — говорит, — рыбы. А скачут опять же лошади.
- В таком случае, — говорю, — они перекатываются.
- Да ты когда-нибудь море видел? Ничего там не перекатывается. Это шарик перекатывается!
- При чём тут шарик? — говорю. — Волны перекатываются, это каждый знает. Одна волна перекатывается через другую.
- Накатывается, а не перекатывается. Одна на другую накатывается. Как же они друг через друга могут перекатываться, если они друг друга никогда догнать не могут?
- Кто сказал, что не могут?
- А по-твоему, могут?
- Постой, постой, — говорю, — если они перекатываться друг через друга не могут, оттого что догнать друг друга не могут, то, выходит, они накатываться друг на друга тоже не могут, раз им друг друга не догнать?
- Постой, постой, — говорит, — совсем запутался, что ты там такое наворотил?
- Это ты наворотил со своими волнами, а не я. Волны просто разбиваются о скалы — вот и всё. Сдались тебе эти волны!
- А если скал нет?
- Тогда... они не разбиваются, вот и всё.
- А куда же они деваются?
- Как — куда? Никуда... в песок уходят...
- А из песка?
- Там в песке и остаются.
- Тогда море бы высохло. Целиком в песок ушло.
- Значит, не все волны в песок уходят. Ветер утихает, и море успокаивается. Волн нет, и море себе спокойно.
- Он почесал свои уши и говорит:
- Почему же оно всё в песок не уходит? Почему всё море не высыхает?..
- Слушай, — говорю, — не лезь не в своё дело. Оставь море в покое! Что ты к нему пристал! Того и гляди море высохнет — так пристал. Не приставай ко мне! Слышишь? Не приставай...Мой старший брат, безусловно, желал мне добра. Раздражаясь, он говорил быстро-быстро, захлебываясь словами. А я постепенно терял смысл слов и взаимосвязь между ними.
- Он говорил мне:
- Учи уроки. Без знания тьма, стул, стол, табуретка, мы, вы, Амстердам...
- Он, безусловно, знал, что хотел мне сообщить. Но он так жаждал всё сразу сказать и вывести меня в люди, что немножечко торопился, и я не всегда понимал его.
- Я не получал того комплекса знаний, которые он нёс мне от всей души. Наоборот, я всё страшно путал, и доходило до того, что весь мир мне казался непонятно чем.
- Как-то утром мой брат опять стал говорить мне очень быстро несметную кучу слов. Потом он схватился за голову и так долго сидел за столом.
- Я вышел из комнаты, вернулся через минуту, вылил ему на голову ведро воды.
- Оказалось, он этого не хотел.

Принёс я в класс ежа. Никуда его не вытаскиваю. Сидит он в сумке. Никто про него не знает. Вдруг учитель говорит: «Что это такое?» Я говорю: «Ёж». — «Где ёж?» — спрашивает учитель. «Здесь», — говорю. А он говорит: «А вообще я не тебя спрашиваю. Я Мишу Галкина спрашиваю» — и на доску показывает. «Это существительное», — говорит Миша Галкин. «Правильно, — говорит учитель, — а ты выйди с ежом!»

Я твёрдо решил в Антарктиду поехать. Чтоб закалить свой характер. Все говорят, бесхарактерный я: мама, учительница, даже Вовка. В Антарктиде всегда зима. И совсем нет лета. Туда только самые смелые едут. Так

Вовкин папа сказал. Вовкин папа там был два раза. Он с Вовкой по радио говорил. Спрашивал, как живёт Вовка, как учится. Я тоже по радио выступаю. Чтобы мама не волновалась.

Утром я вынул все книжки из сумки, положил туда бутерброды, лимон, будильник, стакан и футбольный мяч. Наверняка морских львов там встречу — они любят мяч на носу вертеть. Мяч не влезал в сумку. Пришлось выпустить воздух.

Наша кошка прогуливалась по столу. Я её тоже сунул в сумку. Еле-еле всё поместилось.

Вот я уже на перроне. Свистит паровоз. Как много народу едет! Можно сесть на какой угодно поезд. В конце концов, можно всегда пересесть.

Я влез в вагон, сел, где посвободней.

Напротив меня спала старушка. Потом со мной сел военный. Он сказал: «Привет соседям!» — и разбудил старушку.

Старушка проснулась, спросила:

— Мы едем? — И снова уснула.

Поезд тронулся. Я подошёл к окну. Вот наш дом, наши белые занавески, наше бельё висит на дворе... Уж не видно нашего дома. Мне стало сначала немножко страшно. Но это только сначала. А когда поезд пошёл совсем быстро, мне как-то даже весело стало! Ведь я еду закалять характер!

Мне надоело смотреть в окно. Я снова сел.

— Тебя как зовут? — спросил военный.

— Саша, — сказал я чуть слышно.

— А что же бабушка спит?

— А кто её знает!

— Куда путь держишь?

— Далеко...

— В гости?

— Угу...

— Надолго?

Он со мной разговаривал, как со взрослым, и за это очень понравился мне.

— На пару недель, — сказал я серьёзно.

— Ну что же, — сказал военный, — очень даже неплохо.

Я спросил:

— Вы в Антарктиду?

— Пока нет; ты в Антарктиду хочешь?

— Откуда вы знаете?

— Все хотят в Антарктиду.

— И я хочу.

— Ну вот видишь!

— Видите ли... я решил закаляться...

— Понимаю, — сказал военный, — спорт, коньки...

— Да нет...

— Теперь понимаю — кругом пятёрки!

— Да нет, — сказал я, — Антарктида...

— Антарктида? — переспросил военный.

Военного кто-то позвал сыграть в шашки. И он ушёл в другое купе.

Проснулась старушка.

— Не болтай ногами, — сказала старушка.

Я пошёл посмотреть, как играют в шашки.

Вдруг... я не поверил даже — навстречу шла Мурка. А я и забыл про неё! Как она смогла вылезти из сумки?

Она побежала назад — я за ней. Она забралась под чью-то полку — я тоже сейчас же полез под полку.

— Мурка! — кричал я. — Мурка!

— Что за шум? — закричал проводник. — Почему здесь кошка?

— Это кошка моя.

— С кем этот мальчик?

— Я с кошкой...

— С какой кошкой?

— С моей.

— Он с бабушкой едет, — сказал военный, — она здесь рядом в купе.

Проводник повёл меня прямо к старушке.

— Этот мальчик с вами?

— Он с командиром, — сказала старушка.

— Антарктида... — вспомнил военный. — Всё ясно... Понимаете ли, в чём тут дело: этот мальчик решил махнуть в Антарктиду. И вот он взял с собой кошку... И ещё что ты взял с собой, мальчик?

— Лимон, — сказал я, — и ещё бутерброды...

— И поехал воспитывать свой характер?

— Какой плохой мальчик! — сказала старушка.

— Безобразие! — подтвердил проводник.

Потом почему-то все стали смеяться. Даже бабушка стала смеяться. У неё из глаз даже слёзы пошли. Я не знал, что все надо мной смеются, и потихоньку тоже смеялся.

— Бери кошку, — сказал проводник. — Ты приехал. Вот она, твоя Антарктида!

Поезд остановился.

Неужели, думаю, Антарктида? Так скоро?

Мы сошли с поезда на перрон. Меня посадили на встречный поезд и повезли домой.

Вышел я на перемене во двор. Погода чудесная. Ветра нет. Дождя нет. Снега нет. Только солнышко светит.

Вдруг вижу: крадётся куда-то кошка. Куда, думаю, кошка крадётся? Любопытно мне стало. И я осторожно за кошкой пошёл. Вдруг кошка — прыг! Гляжу, у неё в зубах птичка. Воробышек. Я хватать кошку за хвост и держу.

— А ну, отдай птичку! — кричу. — Сейчас же отдай!

Отпустила кошка птичку — и бежать.

Принёс я птичку в класс.

Кусочек хвоста у неё оторван.

Все окружили меня, кричат:

— Смотрите, птичка! Живая птичка!

Учитель говорит:

— Кошки птичек за горло хватают. А здесь повезло твоей птичке. Кошка ей только хвост повредила.

Просят меня поддержать дать. Но я её никому не дал. Птички не любят, когда их держат.

Положил я птичку на подоконник. Обернулся, а птички нет. Ребята кричат: «Лови! Лови!»

Улетела птичка.

Но я не горевал. Ведь я спас её. А это самое главное.

Мама куда-то ушла из дому. И мы остались одни. И нам стало скучно.

Мы перевернули стол. Натянули на ножки стола одеяло. И получилась палатка. Словно мы в Антарктиде. Там, где сейчас наш папа.

Мы с Витькой влезли в палатку.

Мы были очень довольны, что вот мы с Витькой сидим в палатке, хотя и не в Антарктиде, но как будто бы в Антарктиде, и вокруг нас льды и ветер. Но нам надоело сидеть в палатке.

Витька сказал:

— Зимовщики не сидят так всё время в палатке. Они, наверное, что-нибудь делают.

— Наверняка, — сказал я, — они ловят китов, тюленей и что-нибудь ещё делают. Конечно, они не сидят так всё время!

Вдруг я увидел нашу кошку. Я закричал:

— Вот тюлень!

— Ура! — крикнул Витька. — Хватай его! — Он тоже увидел кошку.

Кошка шла нам навстречу. Потом остановилась.

Внимательно посмотрела на

нас. И побежала обратно. Ей не хотелось быть тюленем. Она хотела быть кошкой. Я это сразу понял. Но что мы могли поделать! Мы ничего не могли поделать. Надо же нам ловить кого-то! Я побежал, споткнулся, упал, поднялся, но кошки уже нигде не было.

— Она здесь! — орал Витька. — Беги сюда!

Из-под кровати торчали Витькины ноги.

Я полез под кровать. Там было темно и пыльно. Но кошки там не было.

— Я вылезая, — сказал я. — Здесь кошки нет.

— Здесь она, — доказывал Витька. — Я видел, она побежала сюда.

Я вылез весь пыльный и стал чихать. Витька всё под кроватью возился.

— Она там, — твердил Витька.

— Ну и пусть, — сказал я. — Я туда не полезу. Я целый час там сидел. С меня хватит.

— Подумаешь! — сказал Витька. — А я?! Я больше тебя здесь лазаю.

Наконец Витька тоже вылез.

— Вот она! — крикнул я.

Кошка сидела на кровати.

Я чуть было её не схватил за хвост, но Витька толкнул меня, кошка прыг — и на шкаф! Попробуй её достань со шкафа!

— Какой же это тюлень, — сказал я. — Тюлень разве может сидеть на шкафу?

— Пусть это будет пингвин, — сказал Витька. — Как будто бы он сидит на льдине. Давай будем свистеть и кричать. Он тогда испугается. И со шкафа прыгнет. На этот раз мы пингвина схватим. Мы стали орать и свистеть что есть мочи. Я, правда, свистеть не умею. Свистел только Витька. Зато я орал во всё горло. Чуть не охрип.

А пингвин будто не слышит. Очень хитрый пингвин. Притаился там и сидит.

— Давай, — говорю, — в него что-нибудь кинем. Ну, хотя бы подушку кинем.

Кинули мы на шкаф подушку.

А кошка оттуда не прыгнула.

Тогда мы на шкаф закинули ещё три подушки, мамино пальто, все мамины платья, папины лыжи, кастрюльку, папины и мамины домашние туфли, много книг и ещё много всего. А кошка оттуда не прыгнула.

— Может быть, её нет на шкафу? — сказал я.

— Там она, — сказал Витька.

— Как же там, раз её там нет?

— Не знаю! — говорит Витька.

Витька принёс таз с водой и поставил его у шкафа. Если вздумает кошка со шкафа прыгнуть, пусть прямо в таз прыгает. Пингвины любят в воду нырять.

Мы ещё кое-что покидали на шкаф. Подождали — не прыгнет ли? Потом подставили к шкафу стол, на стол стул, на стул чемодан и на шкаф полезли.

А там кошки нет.

Исчезла кошка. Неизвестно куда.

Стал Витька со шкафа слезать и прямо в таз плюхнулся. Воду разлил по всей комнате.

Тут мама входит. А за ней наша кошка. Она, видимо, в форточку прыгнула.

Мама всплеснула руками и говорит:

— Что здесь происходит?

Витька так и остался в тазу сидеть. До того напугался.

— До чего удивительно, — говорит мама, — что нельзя их оставить одних на минутку. Нужно же натворить такое!

Нам, конечно, пришлось убирать всё самим. И даже пол мыть. А кошка важно ходила вокруг. И поглядывала на нас с таким видом, как будто бы собиралась сказать: «Вот, будете знать, что я кошка. А не тюлень и не пингвин».

Через месяц приехал наш папа. Он рассказал нам про Антарктиду, про смелых полярников, про их большую работу, и нам было очень смешно, что мы думали, будто зимовщики только и делают, что ловят там разных китов и тюленей...

Но мы никому не сказали о том, что мы думали. — Эх, — говорит Васька, — была бы у меня лошадь, сел бы я на нее да поскакал бы во весь дух из города до самого поля и дальше, дальше, в лес, помчался бы по лесной дорожке, выскочил бы на полянку и дальше. Лечу стрелой, а рядом поезд несется. Перегнал бы поезд и дальше скачу, скачу себе, скачу без остановки...

— Ну и до какого же места ты доскакал бы? — спрашивают ребята.

— А ни до какого, до того же самого.

— Как это понять? — спрашивают ребята.

— А очень просто, земля круглая, так по кругу обратно и вернулся бы.

— Ишь ты, — смеются ребята. — Вот на ракете — вжик! А не на лошади.

— А я хочу на лошади, — говорит Васька.

— Вот чудак, — смеются ребята, — зачем тебе лошадь? Машину бы гоночную! И — вжик!

— А я лошадь хочу, — говорит Васька.

Ребята говорят:

— А еще мотоцикл неплохо. Стоящая, между прочим, вещь. Сел — вжик!
— А я хочу лошадь, — твердит Васька.
— Самое лучшее — велосипед, — говорят ребята, — крути себе педалями — и вжик!
— Мне лошадь надо, — говорит Васька.
— А самолет? Ка-ак — вжик!
— Эх, лошадь бы мне, — вздыхает Васька, — я бы за гриву крепко держался и ни за что на свете бы не упал, скакал бы, все скакал без передышки семь дней и семь ночей и назад возвратился... А «вжик» я не хочу, потому что мне лошадь охота...

Я задержался у приятеля до темноты. Чай, разговоры, то да сё. Смотрю на часы: полночь. До чего неохота выходить на холодную тёмную улицу.

Но ничего не говоря, встаю одеваться.

— Оставайся ночевать, — говорит приятель.

Он что, мысли читает?

— Нет, — говорю, — тревожить вас не буду, поеду домой.

— Ты нас больше растревожишь, если уйдёшь в такую поздноту, оставайся до утра, — уговаривает его жена. — Постелим тебе в комнате, сами в кухне ляжем.

— Нет, нет, не намерен вас стеснять.

— Ну ложись ты в кухне, в чём дело?

Я соглашаюсь.

Ихний кот, здоровенный, пушистый, поглядывает на меня иронически одним глазом и будто подмигивает мне. Я на него ноль внимания. Подумаешь, кот. Котов, слава Богу, везде хватает.

Уложили меня спать в кухне на кресле. Я уютно укрылся. Заснул. Сон мне снится.

Вдруг какая-то тяжёлая масса плюхается мне на голову.

Просыпаюсь, вскакиваю. Кот отскочил в сторону, сидит, смотрит на меня, улыбается. Ведь он на меня со шкафа прыгнул.

— Брысь! Брысь отсюда!

Укрываюсь поплотнее одеялом. Засыпаю.

Вдруг — трах!

Вскакиваю, ничего не понимаю. Кот сидит в стороне, обмахивается лапой, ехидно усмехается.

— Ты это брось, слышишь!

Он вспрыгивает на шкаф, насмешливо на меня оттуда поглядывает. Я грожу ему кулаком.

Накрываюсь одеялом с головой. Успокаиваюсь.

Вот тут-то он обрушивается на меня сверху.

Я кидаю в него подушкой. Он проворно вспрыгивает на шкаф. Поймать его мне не удаётся.

— Чёрт с тобой! — Накрываюсь одеялом, но сразу заснуть не могу. Постепенно засыпаю.

В это время кот прыгает прямо мне на голову.

Вскакиваю. Бегаю за ним, стараюсь поймать. Он всё время ускользает. На шум приходит приятель.

— Что такое?

— Кот, понимаешь, нападает, спать не даёт, сверху скачет, лыбится издевательски.

Я начинаю одеваться.

— Да что ты. Брось. Разве он может нападать...

— Станный у тебя кот! — говорю я.

Входит его жена.

— Что ты, — говорит. — Наш котик... он никогда никого не трогает. Спи, спи, что-то тебе показалось.

— Я больше не усну.

— Если тебе кот мешает, мы его к себе заберём. Велика важность. И он тебе больше мешать не станет. — Приятель берёт кота, уносит из кухни под мышкой и плотно закрывает за собой дверь.

Вот теперь мне спокойно, и я усну.

Стоило только задремать, кот открывает дверь, вспрыгивает на шкаф и оттуда шарахает мне на голову.

У меня внутри ёкнуло, я не ожидал.

Я встаю, не отвечая на удивлённые расспросы приятеля, одеваюсь, прощаюсь и выхожу в темноту улицы.

Чего ему от меня надо? Почему он мне спать не давал?

С улицы оборачиваюсь на их светлое окно. Приятель с женой размахивают руками, видно, недоумевают, что происходит со мной, почему я покинул их дом среди ночи. Не могут поверить, что кот выжил меня из их дома.

А кот сидит на подоконнике, смотрит мне вслед со странной улыбочкой.

— Что, не на кого тебе больше прыгать?! — Я погрозил ему с улицы кулаком.

Он стал умываться лапой.

Мы с ней учились одновременно в художественном институте. С тех пор прошло много лет. Но то, что мы учились в одном институте, никогда нельзя выкинуть из головы.

И вот она присылает ко мне молодого человека с письмом. Из письма узнаю, что в пустыне под Краснодарском знаменитая киностудия «Ленфильм» снимает новую фантастическую ленту, а она художник картины. Насколько я знал, она всегда работала художником на киностудии. Для фильма им там требовалось фантастическое животное. И вот она прислала ко мне помощника оператора, чтобы я помог ему достать для съёмок питона, который живёт в террариуме на Приморском бульваре в Баку.

Я к этому живому уголку не имел абсолютно никакого отношения. Но поскольку мы с ней давно знакомы, то вместе с помощником оператора мы направились на бульвар.

Питон в большом стеклянном ящике лежал закрученный на большом бревне, удобно для обзора, но совершенно без малейшего движения, как неживой, чешуя блестела на солнце. Рисунок на спине влажно отливал всеми цветами радуги — очень красиво. Вокруг толпа: мы, дети с родителями, смелые озорные девочки, мальчики тычут в стекло пальцами над самой его головой размером с кисть небольшой руки со сжатыми пальцами. Показывают разные рожи, но всё разнообразие движения вокруг ничуть не выводит змея из состояния полнейшей окаменелости.

Нам, конечно, тоже охота, чтобы он на нас посмотрел, повернул голову, и мы тоже начинаем стрекотать по стеклу, напевать, насвистывать, приплясывать. Но питон на нас ноль внимания. Смотрит неподвижными глазами в морскую даль, в горизонт и далее. И никого не хочет знать.

Тогда мы с оператором пошли к директору Нагорного парка, в ведении которого находился этот террариум, уверенные, что он, видный, представительный, импозантный, хотя и незнакомый, но по-человечески пойдёт нам навстречу. И мы говорим ему, что вот такие дела...

Высокая марка знаменитой кинофирмы на директора не повлияла, бумаги с подписью самого директора не оказали воздействия. Он сказал, что к интересующему нас животному он сам никакого отношения не имеет, кроме того, что отвечает за него головой.

— А кто? Кто же ведаёт этим животным? — спрашиваю.

— Филиал Всесоюзного Зоологического института. И только с письменного разрешения самого директора Зооинститута я могу вас к животному допустить.

Тут, надо сказать, мы несколько приуныли. Натолкнувшись на одного директора, на другого рассчитывать было трудно, тем более что вместе с ним не учились, и вряд ли какие интересы нас с ним могли связывать.

Идём вверх по улице домой понурые. Что толку, что кино снимается и животное имеет шанс стать одним из его героев, но добиться взаимодействия пока невозможно, не разрешается...

И хорошо, что мы шли, а не ехали на машине, я обычно всегда на машине езжу и всех знакомых вожу. Иначе мы не встретили бы знакомого студента из института, в котором я преподаю. Он поинтересовался, чем мы озабочены и удручены, и мы ввели его в курс дела. Он задумался, прищурил глаза и сказал, что, кажется, в Зооинституте был у него когда-то один знакомый. Он

точно не знает, там ли он сейчас. Но поедет с нами это выяснить.

И вот мы уже втроём садимся в мою машину и едем за Салаханы, где размещается здание Зооинститута.

Находим знакомого. Идём в дирекцию.

Но директора, оказывается, сейчас даже в городе нет. Он в заграничной командировке, а когда вернётся, фильм по плану уже должен быть снят.

Ну всё! Я больше ничем не мог помочь ни художнице, ни «Ленфильму».

— А в чём, собственно, дело? — спросил молодой лаборант в белом халате.

Мы рассказали ему про питона, и у него сразу потеплели глаза, улыбка осветила лицо.

— Я когда-то хорошо знал этого питона. Но с тех пор прошло месяца два, и мы совсем не виделись, неизвестно, узнает ли животное меня?..

На всякий случай все трое садимся в машину и мчим опять на Приморский бульвар. А если бы не машина? Как бы тогда покрывать немалые расстояния?

Дети по-прежнему тычут пальцы и носы в стекло террариума. Питон, как и прежде, окаменел, безучастен, блестят узоры его спины на фоне неба, моря и зелени листьев.

Юноша в белом халате отпирает дверцу своим ключом, приподнимает её и говорит:

— Здравствуй, маленькая! Ты меня не забыла?..

Тут огромный жгут тела животного мгновенно приходит в движение, голова поворачивается на голос, высовывается из стеклянного ящика и ложится на плечо знакомого человека.

А он гладит её руками и приговаривает:

— Маленькая! Девочка ты моя!.. — и так далее. Это, оказывается, девочка была.

Постепенно кольцами она обвила фигуру молодого человека, а он ласкал её чудесными словами и поглаживал по коже — встретились друзья.

Я стоял окаменелый от удивления. Никто никогда не смог бы меня заставить прикоснуться к змее, такую брезгливость и предубеждение я всегда испытывал к этим животным. А тут мне говорят:

— Хочешь её погладить?

Я боялся склизкой, липкой кожи и что слизь останется на руке. Но, глядя на всех, я приложил руку к узору.

Кожа оказалась сухая, под кожей живо ходили кольцами бугры мышц. Рука осталась сухая и чистая.

Позвали директора парка, он благосклонно наблюдал всю картину. И уже не встал на дыбы перед нами, когда перед ним развернули бумаги «Ленфильма». Лёд тронулся.

Был заключён договор с лаборантом. Оформили ему командировку для работы с питоном перед кинокамерой. И все уехали с ним в пустыню под Красноводском.

Я выхожу на Приморский бульвар. На террариуме висит объявление, и дети сами читают, что любимый питон в настоящее время снимается в фильме. До скорого возвращения. И это тоже интересно. В яркий майский воскресный день семья — мать, отец, дети, сынок и дочка — сидела за обедом.

— Душно, — вздохнула дочка.

Брат услужил, открыл настежь форточку и прогнал воробьев, которые смело и озорно выклёвывали семена в цветочных ящиках на балконе.

Воробьи хитро на него покосились, но совсем улетать не подумали. Они знали: оконное стекло для них надёжная ограда. Они не раз залетали в форточку поклевать крошек на обеденном столе, однажды поели яичницу, оставленную на сковородке без крышки.

Солнечный свет бил в окошко. Дочка от света морщилась.

В этот момент в распахнутую форточку влетела оса — крупная, длинная, золотистая, красивая, с тонко перетянутой талией. Деловито жужжа, она летала по комнате, садилась на предметы, одних только касалась, около других подолгу вилась, как бы осваивала, облюбовывала их для посадки.

Дочка молчаливо взглянула на брата: мол, прогони непрошеную гостью. Он поднялся. Но мать остановила:

— Не тронь её.

— Наверно, она заблудилась. Я выгоню её, она найдёт дорогу к своим, — сказал сын.

— Нет, нет, она всегда знает дорогу, — сказала мать.

— Она заблудилась. Что ей здесь надо? — спорил сын.

— Я видала, она пометила себе путь, — сказала мать.

Глядя на летающую по комнате осу, мать вспомнила своё несytое детство в далёкой послевоенной деревне. Пропавший без вести отец неожиданно вернулся после войны из плена и привёз с собой на подводе улей с пчёлами, купленный у одной вдовы по дороге к дому. Вместе с отцом они сколачивали новый пчелиный домик по старой книжке «Пчеловодство» и ждали, когда слетит рой. Они осматривали старый улей, вынимали рамки с сотами, клали на зиму сахарную подкормку. Она беспрерывно работала дымарём, фукала дымом на рамки, отгоняла пчёл от отцовского лица и с рук. Сама искала для дымаря гнилушки, сама разжигала. Однажды долгожданный рой повис на яблоне чёрной гудящей гирей. Его снимали с ветки пригоршнями, сметали щёткой в новый домик. Стало два улья. Строгали материал для третьего.

За огородами на старой рослой липе она нашла осиное гнездо и показала отцу.

— На ос непохоже, — сказал отец.

К дереву подставили длинную лестницу и достали из дупла немало мёда.

— Это дикие пчёлы, — сказал отец. — Осы мёд не запасают.

Пчёлы злились, разлетались в разные стороны, беспощадно жалили всех в округе. Потом вернулись в своё дупло исправно работать, собирать запас на зиму...

Ос она тогда не видала и вот где пришлось встретиться. Дети не знали даже того, что ей привелось узнать, они были постоянными жителями стандартной городской квартиры.

Тем временем залетевшая оса прилаживалась на оконном карнизе, она обследовала окошко и по несколько раз метила окружающие предметы. Потом улетела в форточку.

— Ну вот, а вы боялись, — сказала мать.

— Она могла укусить, — поморщилась дочка. — Она может всех нас перекусать, и тебе достанется.

— Зачем ей нас кусать. Мы ей не враги, она же чувствует, — сказала мать.

А у форточки кружились уже две осы. Одна была знакомая. И видимо, она привела за собой подругу. Вторая оса была поменьше и покруглее. Только матери было понятно, что это не подруга, а друг. Вдвоём они облетели все помеченные предметы, а на карнизе задержались дольше всего, будто о чём-то советовались.

Потом он улетел, она проводила его и тихо уселась на том же карнизе.

После обеда все ушли по своим делам и про осу забыли.

А на другой день на подпорке карниза уже висел маленький серый бутон, как из обёрточной бумаги, с круглым отверстием в середине. Смотрели на него как на диво. В это время из отверстия вылетела оса и направилась к форточке, а она закрыта. Форточку распахнули, оса улетела. Надеялись, что вернётся. Мать велела форточку не закрывать никогда. Ведь это чудо, что оса построила себе дом в их квартире. Оса вернулась, она часто вылетала на улицу и всегда возвращалась обратно...

На улице всё зеленело, цвели черемуха и сирень под окнами на газоне.

Через день бутон осинового гнезда стал втрое шире. Значит, оса не только кормилась на улице, а в гнезде спала — она неустанно работала.

Теперь на неё смотрели больше, чем в телевизор.

После того как оса расширила дом, она обнесла его круглым плотным забором, и теперь гнездо стало похоже на розу с раскрытыми лепестками.

Любопытная дочка заглянула внутрь чашечки, когда осы не было дома, и увидела на донышке белые восковые ячейки сотов.

— Там будет мёд? — спросила дочка.

— Там будет потомство, — сказала мать.

— У нас в доме завелось осиное гнездо! Подумать только! Как перед бедой. Не к добру, — сказал

отец.

— По-твоему, надо разорить гнездо? — сказала мать. — Ну давайте, у кого рука поднимется?

— Я не буду, — сказал обычно услужливый сын. — Вы как-нибудь справитесь сами. — Он посмотрел на отца.

— Вы развели, вы и разбирайтесь, — сказал отец.

— Тут на тумбочке на белой салфетке полно помёта, — сказала наблюдательная дочка.

Мать осмотрела салфетку, всю усыпанную мелкими тёмными точками. Щёткой смела помёт в совок.

— А вы что думали, от живья одна радость? Она всем нам подготавливает работки, скоро до ремонта квартиры дело доведёт, — сказал отец.

Ремонтом квартиры никого нельзя было обрадовать. Все знают, насколько это трудное, хлопотное и дорогостоящее дело.

— Ничего, — сказала мать. — Я послежу за этим.

— Разве уследишь? Их тут скоро целый выводок будет, — ворчал отец. Ведь самая трудная работа всегда лежала на нём.

— Слушайте, где и когда вы видели, чтобы осиное гнездо устраивалось прямо в квартире? — сказала мать.

— Вот я и говорю, — подтвердил отец.

— Не то говоришь, — возразила мать. — Ведь это такая редкость. Чудеса! Радоваться надо. На нас — надежда живого. Подумаешь, мусор — раз, два и нету!

— Никогда не слыхал, чтобы радовались осиному гнезду в доме. Вы ещё змеиное заведите и ещё больше радуйтесь. Попробуй теперь чашку с чаем на столе оставить, варенье, или печенье, или сахару кусок. Осы всё в своё гнездо переправят, — сказал отец.

— Ну, ещё не было ничего такого, может, и не будет, — успокоила мать.

Дочка нарочно оставила на столе недопитый сладкий чай, варенье и сласти: посмотреть, что будет?

Всё оставленное осталось на месте. То ли оса понемногу брала, незаметно было, то ли деликатно обходила.

В общем, благополучно пока уживались, жизнь шла своим чередом. Не всё время друг на друга глядели, некогда было: на работу ходили, учились, другие дела делали. Приходили домой и сразу обращали взоры на растущий серебристо-серый бутон над окном. Оса жила своими заботами. Форточку теперь не закрывали никогда, никто не отважился бы преградить путь осе на улицу и обратно. Привыкли к свежему воздуху, к холоду, никто не зябнул от врывающегося в форточку ветра.

И вот налетел на город циклон. Ветер в городе частый гость. Город стоит у самого моря. Циклоны гуляют над городом, от них зависит погода. Переменчивая у моря погода.

Ураганом свистел ветер. На улице гудело, завывало. Вой ветра перекрывал все городские шумы.

Стёкла в доме дрожали. С северо-запада тёмные рваные тучи неслись по небу. По стёклам хлестало дождём.

Но форточку не закрывали. Осы в это время не было дома.

Но её ждали, тревожились за неё. Может быть, она переждёт где-нибудь под кустом непогоду. Ветер нипочём бывает птицам и насекомым. Ведь в мире всё как-то надёжно устроено: ветер треплет кусты и деревья, но они редко ломаются, и то только старые и сухие. Бывает, ветки треплет как попало, а птенцы удерживаются в гнезде. Может, и оса, попавшая в непогоду, найдёт способ выжить. Хотя непогода бьёт во всю мочь, но ведь оса поразительно умная, домовитая, опытная. Если дождём смоеет следы, умная оса не растеряется, не спутает свою форточку. Она для неё всегда открыта. Других открытых форточек в эту пору в городе просто нет.

Ждали осу. На ночь в комнате оставили свет. Свет привлечёт её внимание, укажет дорогу, многие насекомые летят к свету.

К утру ветер утих. Измождённые за ночь деревья жадно ловили солнце. Но оса не появлялась. Может, ещё отдышится, прилетит, возвратится?

Она больше не прилетела. Что стало с ней, какое несчастье её настигло в пути — неизвестно. Осиное гнездо, серебристый дом с восковыми сотами, слишком тихо висит над окном до сих пор. Нет вокруг никакого помёта, никто ничего не пачкает в доме. Но от этого никому не легче. Только бы прилетела. Но так и не прилетела.

Новый год в двенадцать часов приходил, а я в это время всегда уже спал. Прошло столько Новых годов! А я ни одного не видел. И мама, и тётя Вера встречали его, а я спал. Я всегда засыпал перед Новым годом. А просыпался утром, и мама мне дарил подарки и говорила: «Ну вот, Новый год!» Но я-то знал, что он ночью был. А сейчас его нету.

Я спрашивал маму:

— Ты его встретила?

Мама мне говорила:

— Встретила.

— И ты его видела?

Мама смеялась.

— Конечно, видела!

— И папа видел, и тётя Вера?

Так мне обидно было!

Я представлял себе Новый год в большой шапке-ушанке и в валенках.

Как на новогодней открытке. В двенадцать часов он стучится в дверь. И его все встречают. Все обнимаются с ним, хлопают по плечу Новый год и говорят: «Наконец-то приехал!» Он вытаскивает из мешка подарки, всё дарит, кому что надо, и говорит: «Я спешу. Меня ждут в других квартирах». Все провожают его до угла, потом возвращаются и идут спать. Вот так представлял я себе Новый год.

Как старался я не заснуть в Новый год! И каждый раз засыпал где попало. А просыпался всегда в кровати. И рядом были подарки.

Мой брат раньше меня встретил Новый год. Несмотря на то, что он младше меня. Он вот что сделал. Чтоб не заснуть, он залез под стол. Сначала он там, конечно, заснул, а когда все сели за стол, стало шумно. И он моментально проснулся. И вы знаете, что он сказал мне? Он мне сказал:

— Его не было.

— Как так не было?! — сказал я.

— Очень просто.

— А ты там не спал под столом? — спросил я.

— Вот ещё! — говорит Котька. — Бой часов был, это верно. А Нового года не было. Как только все стали кричать: «С Новым годом!» — я вылез.

— Кого же тогда вы встречали?

— Новый год, — говорит Котька.

— Как же так вы его встречали? Разве так в жизни бывает? Если ты, например, меня встречаешь, то ты видишь, что ты меня встречаешь. А то как же ты меня встречаешь, если ты меня не встречаешь?

— Сам увидишь, — говорит Котька. — На будущий год увидишь. Никакого там Нового года не будет. Бой часов будет. А Нового года не будет.

— Наверно, ты спал под столом, — говорю, — и сквозь сон слышал бой часов. А Нового года не видел.

— Я не спал, — говорит Котька.

— Значит, спал, — говорю, — раз не видел.

— Ты сам спал, — говорит Котька.

— Я-то спал, — говорю, — но ты тоже спал. Только я спал в кровати, а ты — под столом. Лучше бы ты уж спал в кровати.

— Я не спал, — говорит Котька.

— Почему же тогда ты его не видел?

— Его не было, — говорит Котька.

— Ты просто спал, — говорю, — вот и всё!

На этом наш спор закончился.

Он обиделся и ушёл. И хотя он на меня обиделся, всё равно я думал, что он там спал и не видел Нового года с подарками.

Вот же представь Новый год бы совсем ещё маленький. Я люблю Новый год! В Новый год всюду ёлки. В Новый год всегда весело. В Новый год всем подарки дают. У нас много игрушек в ящике, много разных шаров, золотых цепей. Скорей бы их все на ёлку! Сегодня мама сказала: — Пойдём сходим за ёлкой. Я оделся, и мы пошли. Навстречу нам мальчик вёз ёлку на санках. У него была очень хорошая ёлка. Густая. — Вот такую хочу! — крикнул я. — Хорошая ёлка, — сказала мама. Она спросила, где мальчик купил свою ёлку. — За углом, — сказал мальчик. — Вон там, за углом. Целый час выбирал. Он был очень доволен. — Спасибо, — сказала мама. — Пожалуйста, — сказал мальчик. — Вон там, за углом. — Он махнул рукой. — На автобусе шесть остановок. Мы с мамой сели в автобус. Там ёлки только что кончились. На снегу валялось несколько веток. — У меня суп на плите, — сказала мама. — У меня в тазу мокнет рыба. Я не могу таскаться за ёлкой. Придётся ждать папу. Мы вернулись домой без ёлки. Папа был дома. Он сразу решил: — Едем к Коле. Подыщем там ёлку. Там сейчас трассу прокладывают. Рубят лес. Дядя Коля — папин брат. Он лесник. Я люблю ездить в гости к дяде Коле. Я там в лесу зайца видел. У дяди Коли суп из сушёных грибов. Сколько хочешь варенья. Я запрыгал от радости и запел: — Я еду к дяде Коле, где зайцы и разные птицы, варенье и ёлки и суп из сушёных грибов! — И охота вам, — сказала мама, — тащиться в такую даль! За какой-то ёлкой. Когда можно ёлку купить в городе. — Ты в городе с ним уже была. И почему-то вернулась без ёлки! Ребёнку нужна срочно ёлка! Новый год на носу! — Ну да! — сказал я. — Как же так! — У нас вечером гости, — сказала мама. — Ты не забыл?

Мама сердится.

Папа уже в пальто и шапке.

— Мы успеем сто раз вернуться. К двенадцати-то уж мы вернёмся!

Ох и люблю я папу! Он-то знает, как мне нужна ёлка. Он-то знает!

В поезде было много народу. Я занял место возле окна. Шёл снег. Потом снег пошёл такой сильный, что залепил всё окно, и в вагоне стало совсем темно.

Кто-то сказал:

— Ишь повалил!

«Вот и хорошо! — думал я. — Ох и здорово! Столько снегу! Вот это зима! Эх, и покатаюсь же я на санках! Эх, и поваляюсь в снегу! Давай, снег, иди, иди! У меня завтра начнутся каникулы. Мне нужен снег. Много снегу!»

И снег всё шёл за окном и шёл. Как будто бы он для меня старался. Я всё всматривался в окно, дышал на стекло, чтобы хоть что-нибудь видеть.

Мне показалось, что я вижу лес, и я крикнул:

— Вон ёлки! Вон ёлки!

— Ишь крикун, — сказал кто-то.

— Мы едем за ёлкой, — пояснил папа. — Вот он и обрадовался.

— Рубить? — спросил дед в полушубке.

— Ага, — сказал папа.

— Не советую, — сказал дед.

— Почему? — удивился папа.

— Он ещё спрашивает, — сказал дед. — Вы что, не понимаете? Ваш сын может ещё не понять. Вам-то должно быть понятно. Поймите! Ведь пока ёлка вырастет, пройдут годы! А её топором. Что уж тут не понять!

— Да погодите вы, — говорит папа. — Я вас понял. И с вами согласен. Но тут дело совсем другого рода. Мы не такие варвары...

— А топорик с собой прихватили, да?

— Дайте сказать! Вот заладили!

Дед махнул рукой и замолчал.

— Мы знаем, — сказал я, — где можно рубить. И дядя Коля знает.

— Ну, рубите, рубите, — сказал дед. — Только как вы её повезёте? Любой вас остановит.

— У нас будет квитанция, — сказал папа. — Успокойтесь, пожалуйста.

— Я-то спокоен, а вот как вы? Едете на такое дело!

— Да успокойтесь вы, — говорит папа.

— Я-то спокоен, — говорит дед.

— Не беспокойтесь, — говорю я.

— Вот ещё! — говорит дед. — Он меня успокаивает. Полюбуйтесь!

— Вы посмотрите! — сказала какая-то женщина. — Какие растут боевые дети! Прямо диву даёшься!

Поезд подходил к станции. Дед стал собираться. Он взвалил на спину рюкзак, сказал: «Ну и народ!» — и, не попрощавшись ни с кем, ушёл.

— Суровый дед, — сказал кто-то.

— Не щадят лес, — сказал толстый дядька.

Тогда папа всем рассказал про дорогу, как прокладывают её в лесу, потому рубят лес, — и все были довольны. А толстый дядя дал мне конфету. И пожелал чудесной ёлки. И успокоил папу, чтоб он не расстраивался.

Потом в вагоне зажёгся свет. У папы шапка свалилась на пол. А он спит себе. Я поднял шапку, папа проснулся.

— Я беспокоюсь, — говорит папа, — успеем ли мы вернуться,

— Успеем, говорю я.

Я стараюсь увидеть в окно что-нибудь. Но я ничего не вижу. Иногда проносятся огоньки. И это всё. Всё-таки в поезде ехать скучно. Сначала кажется интересно, а потом вовсе не интересно. Особенно если ночью едешь. Днём хоть в окно что-нибудь увидишь, а ночью ничего не увидишь. Я думал о том, сколько нам ещё ехать, как вдруг папа мне говорит:

— Ну вот мы и приехали!

Мы выходим на станцию. Звёзд в небе полным-полно. И лёгкий снежок летает. Тишина.

— Ох и темень же, — говорит папа, — кажется, нужно сюда, в эту сторону.

Мы идём по дорожке между ёлками, и папа освещает путь фонариком. Мне трудно идти. Столько снега! Я иду по колено в снегу. Потом папа берёт меня на руки.

— Ох и тяжёлый же, — говорит папа. Он поднимает меня и сажает на плечи. И вот так мы идём.

Вон дом дяди Коли. Одно окно светится. Значит, он дома. Стучим в окно.

Дядя Коля огромней, до потолка. У него большущая борода, как у Деда Мороза. У дяди Коли большие руки. Он протягивает нам руки. Улыбается. Обнимает нас. Папа ему говорит:

— Вот неожиданно-негаданно!

Я сразу спрашиваю:

— Есть суп с грибами?-

— Есть, — отвечает дядя Коля.

— А варенье?

— Конечно есть.

— А в лесу волки есть?

— Для тебя всё есть, — говорит дядя Коля.

Дядя Коля нас угощает. У дяди Коли всё очень вкусное. Я бы всё ел и ел, до того всё вкусно!

— Ребёнок объестся, — говорит папа.

— Не мешайте ему, — говорит дядя Коля. — Он знает, что делает.

Я, конечно, знаю, что делаю. Я прошу ещё варенья. Дядя Коля даёт мне ещё варенья. И я чувствую, что уже не хочу.

— Он совсем мало ест, — говорит дядя Коля.

Я съедаю всё варенье. И мы все идём за ёлкой.

Я всматриваюсь в темноту. Ёлок здесь много. Но мне хочется зайца увидеть. Но я зайца нигде не вижу. Как ни всматриваюсь в темноту.

Дядя Коля нам говорит:

— Вот здесь строят дорогу. Она пройдёт через весь этот лес. Это будет большая дорога. Я всю жизнь прожил здесь в лесу. Со зверями и птицами. Для меня это чудо какое-то.

— Выбери ёлку нам, — говорит папа, — а то мы не успеем на поезд. Ты не знаешь, когда последний поезд?

Дядя Коля выбирает нам ёлку.

Мы идём с ёлкой на станцию. Дядя Коля нас провожает.

Он не хочет, чтоб мы уезжали. Попозже приедет тётя Вера. Она привезёт гостинцев из города. И мы можем здесь встретить Новый год.

— Мы с удовольствием, — говорит папа. — Но ведь ты знаешь Варвару. Потом, у нас гости. Мы обещали вернуться.

Дядя Коля хочет, чтоб мы остались, но он прекрасно знает Варвару. И не обижается.

Дядя Коля нас провожает до станции.

Мы стоим на перроне, а дядя Коля пошёл узнать, скоро ли будет поезд. Он возвращается и говорит, что там что-то случилось на линии, там снежный занос, поездов пока в город не будет. Из города, может быть, будет поезд, но, может быть, тоже не будет. Так что тетю Веру мы ждать не будем. А сейчас же сядем за стол в избе и проводим пока старый год.

— Боже мой, — говорит папа, нас ждут гости. Нас ждёт Варвара. Все ждут нашей ёлки. Какой скандал!

— Мы позвоним туда со станции.

Дядя Коля идет звонить.

— Ну, вот и всё, — говорит дядя Коля. — Я всё объяснил, и всё в порядке.

— Что сказала Варвара? — волнуется папа.

— Она поздравила всех с Новым годом.

— Это правда? — говорит папа.

— Ещё бы, — смеётся дядя Коля.

Мы идём обратно. Мне, конечно, жалко маму. Она о нас там беспокоится. Она всегда о нас волнуется. Но, в конце концов, мы мужчины. Мы встретим здесь Новый год, в лесу. К тому же здесь не так плохо. Здесь даже, по-моему, хорошо.

Входим в дом. — Ну, как ты ведёшь себя? — спрашивает дядя Коля.

— Ой, — говорю, — хорошо веду!

— Это правда?

— Как будто, — говорит папа.

Вот он какой, мой папа! Он никогда меня не подведёт!

Дядя Коля ходит по комнате и что-то ищет. Он что-то ищет, а я смотрю и, конечно, не знаю, что он ищет. Дядя Коля просунул руку за шкаф — и вдруг я вижу: он держит зайца! Настоящий заяц! С большими ушами!

Я всю жизнь мечтал о зайце!

Я взял зайца и крепко держу. Такой симпатичный заяц! Ну просто прелесть!

Дядя Коля мне говорит:

— Ты не жми его так. А то задушишь. Ты держи его за уши.

— Как это так — держать зайца за уши?

Дядя Коля смеётся:

— Вот чудак! Он же заяц! Держи его за уши!

Но я не стал держать зайца за уши. Хоть он и заяц. Мало ли что он заяц!

Вдруг заяц вырвался и побежал.

— Вот видишь, — смеётся дядя

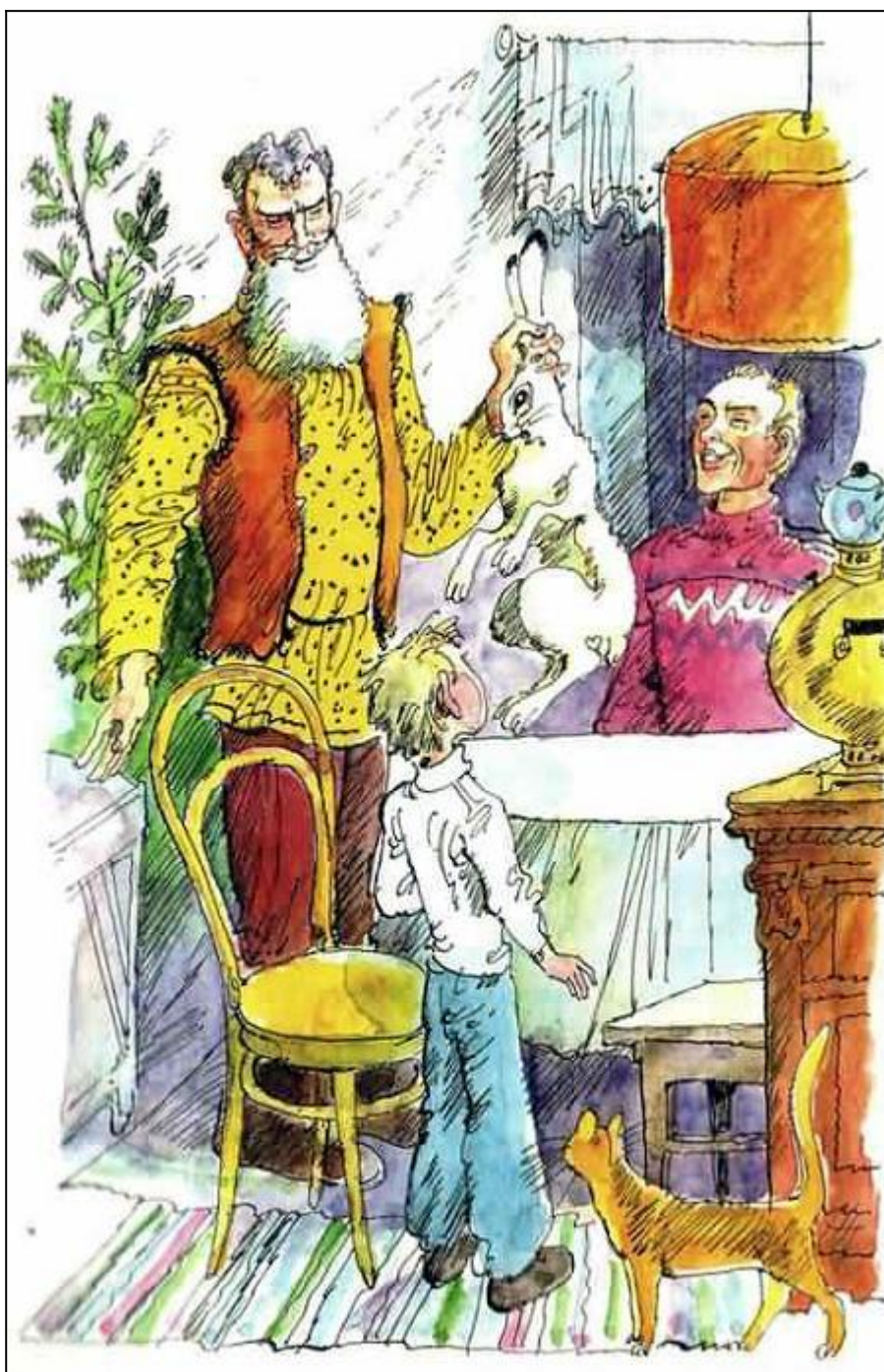
Коля. — Нужно было держать его за уши!

Я искал зайца по всей избе. Опрокинул банку с вареньем.

Папа сказал:

— Зря ты дал ему этого зайца. Он теперь тут всё перевернёт.

— Пусть радуется, — говорит дядя Коля, — пусть себе переворачивает. Пока Веры нет.

Папа ставит ёлку в угол.

Я ищу зайца.

— Отдохни немного, — говорит папа, — ты погляди, какая ёлка

Ёлка вся в тепле оттаяла, искрится.

Папа повесил на ёлку конфеты. Дядя Коля берёт будильник и вешает его тоже на ёлку. Будильник тикает на ёлке.

Дядя Коля опять накрывает на стол. А папа вздыхает.

— Как всё получилось, — говорит он. — Как-то странно всё получилось.

— Ты не рад? — спрашивает дядя Коля.

— Нет, я рад, — отвечает папа.

— Так в чём же дело?

Я тоже рад.

Я ищу под кроватью зайца. Вон он там в угол забился. Сейчас я его достану!

Я очень рад. Как я могу быть не рад? Я так рад! Вы просто не знаете, как я рад!

Папа просит ещё позвонить домой.

Дядя Коля идёт второй раз на станцию, возвращается и говорит: тётя Вера у нас, они с мамой готовятся к Новому году, они будут вместе встречать Новый год, и всё, в общем, в порядке.

— Не совсем в порядке, — вздыхает папа.

— Да ну тебя, — говорит дядя Коля.

— А гости? — спрашивает папа.

— И гости там, — говорит дядя Коля.

— Чёрт знает что, — вздыхает папа, — они там, а мы здесь...

— Да что ты, — говорит дядя Коля, — наоборот: мы здесь, а они там.

Подумаешь, гости! Они и без нас обойдутся. Зато у меня заяц есть. А был бы я дома с гостями? Не было бы никакого зайца. Я, правда, люблю, когда гости. Но зайца я даже больше люблю.

Дядя Коля наливает вино в бокалы и говорит:

— Скоро будет двенадцать. Мы выпьем за Новый год. Самый лучший и самый счастливый...

А я беру зайца за уши, тихонько открываю дверь и выпускаю его в лес.

Пусть он встречает Новый год со своими зайцами. Сначала купили сразу две ёлки: одну ёлку — папа, другую — мама. Потом пришёл дядя Миша с ёлкой.

Дядя Миша сказал:

— Эх, какая досада!

— Три ёлки нам ни к чему, — сказал папа.

— Бог троицу любит, — сказала бабушка.

— Бога нет, — сказал я.

— Бесхозяйственность, — сказала мама.

Только мама это сказала, как вдруг входит дедушка с ёлкой.

А за ним тётя Нюша с ёлкой.

— Ура, — крикнул я, — пять ёлок!

— Я расстроилась, — говорит тётя Нюша. — Я хотела вам сделать сюрприз, а тут столько ёлок!

— Что же делать, — говорит мама, — куда же мы денем эти ёлки? Придётся их предложить соседям.

— Как это так, — говорит дядя Миша. — Я принёс ёлку Пете. И вдруг её отдают соседям!

— Я очень обижен, — говорит дед. — Я принёс ёлку внуку. И я не пойму, при чём здесь соседи?

— И я! — сказала тётя Нюша. — Я не отдам свою ёлку соседям! Я принесла свою ёлку племяннику.

Пусть он скажет: доволен он ёлкой?

— Конечно, доволен! — крикнул я.

Тётя Нюша сказала:

— Ну! Только попробуйте! Ёлка — его.

Папа сказал:

— Но я купил свою ёлку первым. Я выбирал её два часа. Я покупал ёлку сыну. Я не хочу об этом слышать!

— Тем более — я, — сказала мама. — К тому ж, моя ёлка лучше всех, это, по-моему, сразу видно.

Тётя Нюша сказала:

— Моя ёлка лучше! Вы только понюхайте, как она пахнет!

А дядя Миша взмахнул своей ёлкой так, что задел деда по носу веткой.

Бабушка тихо смеялась в углу.

Наконец всем надоело спорить. Дядя Миша сказал:

— Я так считаю. Пусть своё мнение выскажет Петя. В конце концов, это ёлки — его.

Я сказал, что мне нравятся все пять ёлок.

— Вот и прекрасно! — сказал дядя Миша. — Ёлки Петины. Он доволен. Так в чём же дело, я не пойму!

Все согласились с дядей Мишей и начали устанавливать ёлки. Хотя это было не так легко сделать, но в конце концов ёлки установили. Потом принялись вешать игрушки. Правда, игрушек было мало, но всё равно я был очень доволен — пять ёлок все вместе в одной квартире.

Это ведь целый лес!

Потом пришёл Вовка взглянуть на ёлки.

Потом пришёл Алька из пятой квартиры.

Потом пришли Лёнька с Васькой.

Каждому я подарил по ёлке.

И мне осталась одна ёлка.

Я всё ходил вокруг неё и долго любовался ею, а потом вдруг представил себе, как стало пусто в том месте в лесу, где росли пять ёлок. Их вырубил для меня специально...

На следующий год я вырасту большой, и тогда не нужно мне будет ни одной ёлки. Хотя и сейчас я уже не малыш...

Шёл снег, а в снегу шли Деда Морозы.

Они шли не спеша, оживлённо беседуя. Заполнив все улицы, шли Деда Морозы, и не было им конца и краю.

Снег кружился и блестел; если внимательно присмотреться, то можно увидеть мохнатые брови, длинные бороды. Только лиц совсем не видно, сколько ни присматривайся. Это только Деда Морозы могут так ходить, чтобы их лиц не было видно.

Но если внимательно прислушаться, то можно было услышать приглушённый говор, кашель, смех и как они шмыгают простуженными носами.

Каждый из Дедов Морозов нёс под мышкой подарок. Но этого уж, конечно, не было видно. Этого никогда не видно, хотя каждый раз в Новый год все Деда Морозы проходят по улицам всех городов с подарками.

Иногда, когда снег не идёт, Дедов Морозов вообще не видно. Даже бород и бровей не видно. Но это бывает редко. Потому что в новогоднюю ночь снег почти всегда идёт.

Каждый раз в Новый год поздно ночью в дом к мальчикам и девочкам заходит Дед Мороз, с которым они познакомились во сне. Ведь не может быть, чтобы ты никогда не встречался во сне с Дедом Морозом! Любой мальчик, любая девочка встречаются во сне со своим Дедом Морозом — одни раньше, другие позже, но обязательно встречаются. А если дети находят подарок у своей кровати, но уверяют, что они никогда не встречались во сне с Дедом Морозом, то они просто этого не помнят. Непременно встречались. Раз утром нашли подарок у своей кровати. Откуда же он мог тогда взяться, сами посудите!

Так вот, во время одного такого новогоднего шествия один Дед Мороз споткнулся, выронил подарок, и очень хорошая детская игрушка, которую он нёс в подарок, сломалась об лёд, а конфеты и печенье рассыпались по снегу.

Ему некогда было идти за новым подарком, утро Нового года уже подходило, и он всё равно бы уже

не успел. И этому Деду Морозу пришлось только потерять ушибленное колено и отправляться обратно к себе домой.

Он побрёл обратно печальный и расстроенный, потому что никак не мог выйти из своего положения.

Все Деда Морозы шли в одну сторону с подарками, а он шёл в другую пустой. Это было, безусловно, печальное зрелище. Хотя этого никто не видел.

У него даже слёзы капали из глаз; ему было очень тяжело, что он не может принести подарок своему маленькому приятелю, с которым он познакомился во сне. Это был неудачливый Дед Мороз, как бывают и неудачливые люди. Но неудачливые люди не всё же время бывают неудачливыми. И Деда Морозы то же самое. Если он в этом году споткнулся, то не споткнётся же он опять в следующем году! И он твёрдо решил, что на следующий год он принесёт своему малышу не одну, а две игрушки, конфет и печенья в два раза больше.

Так что тот мальчик или девочка, которые, проснувшись, не нашли своего подарка, получат его непременно в следующем году. И притом в двойном размере.

Я никак не думаю, что этот Дед Мороз ещё раз споткнётся, да так неудачно. Если уж споткнётся, то какой-нибудь другой Дед Мороз. А может, никто не споткнётся.

Тогда всем будут подарки.

— Без Деда Мороза придётся на этот год обойтись, — говорит папа.

— Без Деда Мороза нельзя! — говорю.

— Я не успел его вызвать, было много работы, закрутился... — говорит папа.

— Из-за твоей работы Новый год отменяется? — говорю.

— Не отменяется. Нам некогда его дожидаться. Сейчас с тобой поедем. Нас ждут бабушка, мама и новогодний стол. Семейное дело — сам понимаешь, — говорит папа.

— Без Деда Мороза Новый год не придёт. Я точно знаю. Всегда так было. Я его давно жду, — говорю.

— Ты шутишь? Ты уж не маленький, скоро в школу пойдёшь. Дед Мороз не фантастика. Обыкновенный человек на работе, вот и всё, — говорит папа.

— Я конечно, не маленький. Но Дед Мороз есть Дед Мороз!

— Да с такими штуками, как у тебя: видео, магнитофон, компьютер, три ёлки — зелёная, серебряная, золотая, разных игрушек — море... Сотовый телефон у тебя на полу валяется, подними сейчас же! Ты не бедняк. Можно, я думаю, без одного ряженого обойтись, — говорит отец.

Настроение было плохое, когда я пристёгивался ремнями на сиденье рядом с отцом.

Замелькали по сторонам огни и елки в лесу под снегом.

«Что теперь будет? — думал я. — Без Деда Мороза Новый год никогда не приходил. Никогда такого не было».

В моторе что-то зазвенело, отец сразу насторожился, скорость переключил, перестроился. В машине уже не звеняет — дребезжит. Мы съехали на обочину, остановились. Мотор заглох и больше не заводился.

Папа открыл капот, посмотрел в моторе. Достал из багажника гаечные ключи, домкрат и мне говорит:

— Возьми аварийный фонарь, засвети у моих ног, чтобы не задела случайно. И может быть, кто остановится...

Он надел старую засаленную куртку, поднял машину на домкрате, полез под неё с фонариком. Свет от фонарика прыгал, как зайчик.

Я стою у красного фонаря и жду: кто-нибудь остановится...

Страшно гудит в темноте дорога. В одну сторону посмотрю: машины ослепляют белыми фарами, снег в лесу кажется тёмным. В другую сторону обернусь — красные огни уплывают, будто дразнятся. Пока никто не останавливается.

Печально! Ни Деда Мороза, ни Нового года, ёлок и тех в темноте не видно. Застрали посреди пути,

посреди ночи, посреди зимы...

Папа вылезает из-под машины.

— Ну что там? — говорю.

Он безнадежно разводит руками.

— Зря ты не взял с собой телефона, вызвали бы сейчас аварийную. Позвонили бы бабушке и маме...

Телефон так на полу и валяется, мне стыдно, что я не удосужился его поднять.

— Почему никто не останавливается?

— Остановятся. Сейчас, сейчас, подожди немного. Ты хоть не простудись, а то беда, — говорит отец.

— Вот тебе и Дед Мороз! — говорю.

— Застряли... Ничего не поделаешь, — говорит папа.

Настроение у меня хуже и хуже.

Неожиданно подъезжает к нам «Волга». Останавливается. Открывается дверца и выходит... Дед Мороз!

Ну да! В красном тулупе, в белой шапке и, как положено, борода.

— Что тут с вами? — говорит Дед Мороз. — Я на работе, везу подарки ребятам, но вас, конечно, в беде не оставлю.

Он вытащил из своего багажника лёгкий тросик, подцепил к «Волге» нашу машину и сел за руль. Я пересел к нему, потому что в аварийной машине нельзя сидеть пассажирам.

Я еду с Дедом Морозом, гляжу на него во все глаза. Я люблю его больше всего на свете. И как нечаянно запою:

Вперёд, вперёд на Новый год

Нас Дед Мороз домой везёт...

Мы с ним смеёмся.

Приехали обратно домой. Дед Мороз оказался вовремя на работе, мы успели к Новому году. Он мешочек с подарком мне дал.

Я так и знал: без Деда Мороза в Новый год не обойдёшься.

Мы подняли с пола телефон, позвонили маме и бабушке. Они были счастливы, что мы в аварию не попали и никакого несчастья с нами не произошло.

Я, конечно, не маленький. Я давно знаю, что Дед Мороз человек. Но зато какой человек!

Самый лучший!